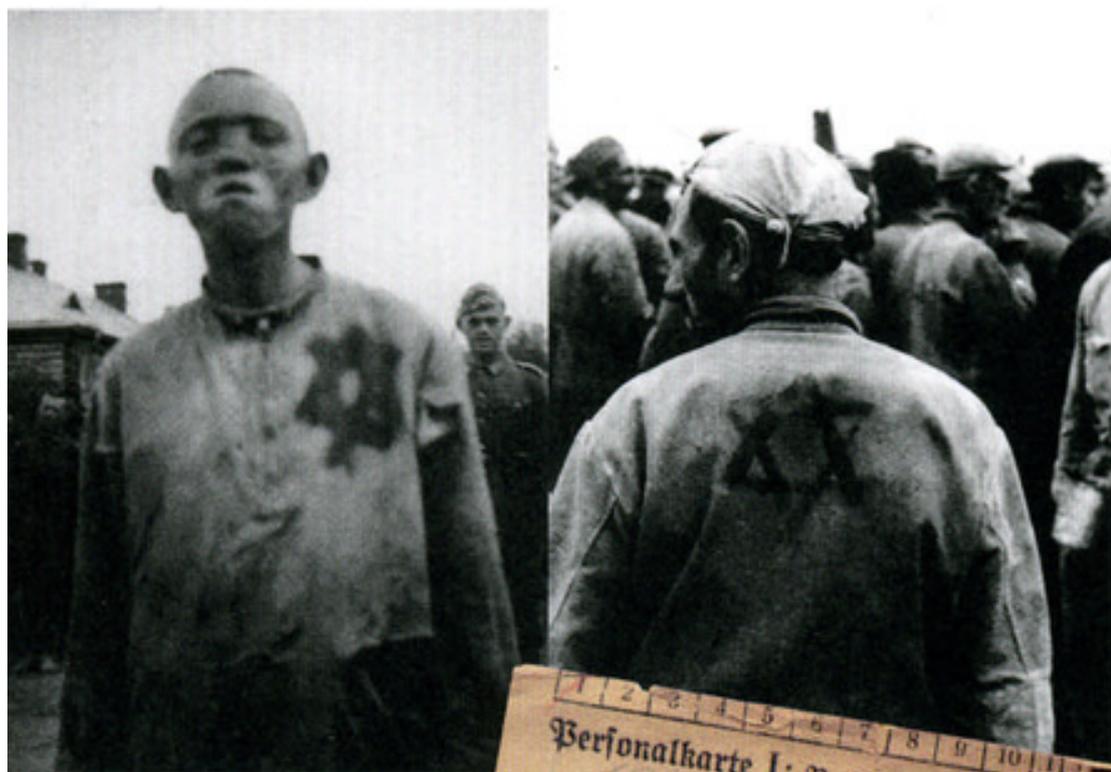

ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЕВРЕЕВ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18

Personalkarte I: Personelle Angaben
Kriegsgefangenen-Stammlager: *Ladosno Grodno 324* Lager: *324*

Name: *Gress Gress Gress* Staatsangehörigkeit:
Vorname: *Michail Mich. Mosew* Dienstgrad: *Hauptst.*
Geburtsort und -ort: *1902 25 / XII Mo. kau* Truppenteil: *1305 Inf. R.*
Religion: *Christflosse Moschee* Zivilberuf: *Militär*
Vorname des Vaters: *Ilya* Matrikel Nr. (Stammrolle des Heim-
Familienname der Mutter: *Fedorija Gress* Befangennahme (Ort u. Datum) *5.*
Ob gesund, krank, verwundet eing.

Lichtbild

Des Kriegsgefangenen

Größe	Haarfarbe	Nähere Personalbeschreibung
<i>167</i>	<i>schwarz</i>	

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person des Kriegsgefangenen

*Pz. Moskva, Sta
2 Twerskaja-Jamskaja Straße 118 W.1
An Nina Nikolajewna Gress
22. Juli 1942
Tau S. Z. Wlasow*

324/4423
Gress
Michail Ily

20

**Обреченные погибнуть. Судьба
советских военнопленных-
евреев во Второй мировой войне:
Воспоминания и документы**

«Новое издательство»

2006

Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы / «Новое издательство», 2006

Плен – всегда трагедия, но во время Второй мировой была одна категория пленных, подлежавшая безоговорочному уничтожению по национальному признаку: пленные евреи поголовно обрекались на смерть. И только немногие из них чудом смогли уцелеть, скрыв свое еврейство и взяв себе вымышленные или чужие имена и фамилии, но жили под вечным страхом «разоблачения». В этой книге советские военнопленные-евреи, уцелевшие в войне с фашизмом, рассказывают о своей трагической судьбе – о своих товарищах и спасителях, о своих предателях и убийцах. Рассказывают без оглядки – так, как это было на самом деле.

, 2006

© Новое издательство, 2006

Содержание

Павел Полян	5
Советские евреи в немецком плену	6
Советские военнопленные-евреи и точка отсчета Холокоста	8
Советские военнопленные-евреи и нормативная база их убийства	10
Палачи	19
Селекция и ликвидация на оккупированной территории СССР	22
Селекция и ликвидация на территории Германии	28
Спасшиеся и спасители	30
Советские военнопленные-евреи в финском и румынском плену	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Составители Арон Шнеер, Павел Полян Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы

Павел Полян

Советские военнопленные-евреи – первые жертвы Холокоста в СССР

«Ну и как же это вы, абрамы, живы остались?..»

Гитлер сумел выстроить несколько простых и оказавшихся немецкому народу вполне доступных и хорошо им усвоенных иерархий. Кроме расовой табели о рангах, где евреи занимали самую низкую ступень, помимо идеологической шкалы степеней угрозы для Рейха и соответствующей встречной ненависти, где выше всех стояли «жидо-большевистская интеллигенция» и «политические комиссары» как носители коммунистической идеологии, своя иерархия была и у военнопленных: из всех армий многочисленных противников Рейха ниже всех «коти-ровались» – советские военнопленные¹.

Так что же тогда говорить о советских военнопленных еврейского происхождения, да еще и политруках! Что может быть ниже, хуже и ненавистнее?!..

Именно о них и пойдет разговор.

Советские евреи в немецком плену

Согласно сведениям, опубликованным Ф.Д. Свердловым (Свердлов 2002: 214, без учета еще нескольких сот человек, призванных на военную службу, начиная с сентября 1944 г., в армии Румынии и Болгарии; источник сведений, к сожалению, не указан)², в Красной Армии в 1941–1945 гг. находилось 450–470 тыс. евреев, что составляло примерно 1,7 % общей численности вооруженных сил СССР и 16 % всего еврейского населения СССР. Интересно, что 27 % евреев ушло на фронт добровольно, 80 % евреев-красноармейцев служило в боевых частях (Шапино, Авербух III: 448,466–477).

Исходя из той же доли, число погибших евреев должно было бы составить порядка 205 тыс. чел.³ Данные ЦАМО лишь незначительно отличаются от этой цифры – 198 тыс. погибших в бою, умерших от ран и болезней или пропавших без вести (Шнеер II: 29, со ссылкой на: Штейнберг 1995: 220–221⁴). Звания Героя Советского Союза был удостоен 131 еврей, из них 45 посмертно (Марьяновский, Соболев 1997:14–15)⁵.

По мнению немецкого военного историка Р. Оверманса, немецкая политика по отношению к иностранным военнопленным во время Второй мировой войны во всем была преемственна по отношению к политике периода Первой мировой, кроме одного – еврейского вопроса.

Согласно «Энциклопедии Холокоста», в немецкий плен в годы войны попало в общей сложности 200 тыс. военнослужащих-евреев (Enzyklopädie des Holocaust II: 814). При этом приходится пересмотреть устоявшуюся точку зрения, согласно которой дискриминацию и репрессии испытали на себе только военнослужащие армий двух «восточных» стран – Польши и СССР, тогда как отношение к военнослужащим-евреям из армий их «западных» союзников – американской, английской, французской, канадской, австралийской и других, а также из югославской армии – ничем не отличалось от отношения к военнопленным-нееврейцам. Пересмотру тут подлежит не тезис о различном отношении к евреям из восточных и западных армий, а единственно утверждение о равном отношении ко всему контингенту западных военнопленных. На самом деле и в их среде имела место отчетливая дискриминация евреев, правда, не доходившая, как правило, до настоящих репрессий и геноцидальных акций.

Женевские соглашения предусматривали обособление и раздельное содержание военнопленных по критерию их гражданства, но никоим образом по этнической принадлежности. Свидетельства самих бывших военнопленных западных армий говорят о настойчивых попытках командования лагерей, во-первых, идентифицировать евреев из их числа и, во-вторых, сегрегировать их и изолировать.

Практиковалась своего рода «геттоизация» лагерей – содержание евреев-военнопленных в обособленных бараках в пределах лагеря или назначение им особенно грязных работ. В некоторых лагерях их все-таки заставляли носить желтую звезду, но, после протестов, это требование снималось.

Что касается отношения к евреям из польской и советской армий, то оно было радикально иным: начать с того, что всех военнопленных Польши и СССР Германия самочинно вывела из-под защиты международного права. Советских – по причине отсутствия подписи СССР под Женевской конвенцией 1929 г., а польских – по причине «несуществования польского государства», как это было заявлено 20 ноября 1939 г. в письме германского МИДа шведскому посольству в Берлине об утрате Швецией мандата страны-покровительницы польских военнопленных (Датнер 1963:19). Еврейские же военнопленные обоих государств обрекались смерти, только смерть евреев из польской армии готовилась последовательно и поэтапно, с частичной все-таки оглядкой на Женевскую конвенцию, тогда как евреев-красноармейцев

убивали по возможности на месте – и безо всякой оглядки на что бы то ни было, кроме обстоятельств конспирации и ненужной огласки.

Суммарное число польских военнопленных-евреев, попавших в немецкий плен в сентябре 1939 г., составляло, согласно Ш. Краковскому, 60–65 тыс. чел. (Krakowski 1992: 217). В общем и целом обхождение с польскими военнопленными-евреями регулировалось приказом командующего ОКБ В. Кейтеля от 16 февраля 1939 г.

При регистрации их отделяли от других военнопленных и размещали обособленно (иногда – в изолированных зонах, иногда просто в отдельных палатках). Их содержали на «особом» – пониженном – пайке, условия их трудового использования и охраны приближались к условиям концлагеря: к весне 1940 г., по оценке Ш. Краковского, в лагерях умерло или было убито около 25 тыс. чел. из их числа (Ibid, 217–218).

В отличие от ситуации с французскими военнопленными-евреями, в отношении польских военнопленных-евреев немецкие власти как раз практиковали политику перевода их в статус гражданских лиц. Но при этом они передавались в руки не войсковой, т. е. эсэсовской, охраны, что само по себе было серьезной угрозой (Датнер 1963: 20). Выведение из статуса военнопленного в данном случае было уже не привилегией, а скорее формальной прелюдией к переводу в уже созданные к этому времени еврейские гетто – с последующим разделением ими судьбы гражданских его обитателей⁶.

В конечном счете, из 60–65 тыс. польских военнопленных-евреев до конца войны дожило едва ли несколько сотен человек. Кроме того, выжило большинство из около 1000 польских военнопленных евреев-офицеров. На их жизнь не покушались, и их смертность ничем не отличалась от смертности остальных офицеров (Krakowski 1992:219)⁷.

Советские военнопленные-евреи и точка отсчета Холокоста

С первых же часов войны Третий Рейх не оставлял евреев без своего смертоносного «внимания». Первые убийства советских военнопленных-политкомиссаров и среди них – евреев датируются буквально начиная с 22 июня 1941 г.!

Вот несколько свидетельств такого рода.

В отчете о деятельности отдела «1с» 123-й пехотной дивизии от 22 июня 1941 г. читаем: «Среди взятых в плен русских находился политкомиссар Зарин из 178-го строительного батальона. Согласно приказу, в 20.35 он был, как положено, расстрелян» (БАМА, РН 26-123/143; сообщено Ф. Ремером). Или, в вечернем донесении отдела «1с» 6-й армии в группу армий «Юг» от 23 июня 1941 г.: «22 и 23 июня войсками захвачено и подвергнуто соответствующему обращению 2 политкомиссара» (ВА-МА, РН 20-6/489. В1. 279; сообщено Ф. Ремером). В вечернем боевом донесении Главнокомандования 4-й армии от 27 июня 1941 г. сообщалось о ликвидации, начиная с 22 июня, шести политкомиссаров (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 185. Л. 39–40). Офицер связи отдела «1с» 4-й танковой группы лейтенант Боте (Bothe) докладывал 10 июля 1941 г. в Группу армий «Север» об уничтожении за период с 22 июня (sic!) по 8 июля 101 политкомиссара (см.: Jakobsen 1965: 192–193, dok. 15; см. также: Förster 1983:434–440).

Как видим, убийцами тут являлись никак не профессиональные антисемиты-погромщики из АГ, а исключительно немецкие военнослужащие регулярной немецкой армии. Но в отдельных, географически благоприятных, случаях не отставали и «профессионалы». Так, 22 июня отдел «1с» АК 7 (по всей видимости – АК 7Б) доложил в 4-ю армию о ликвидации одного политкомиссара (ВА-МА, РН 20-4/681; сообщено Ф. Ремером).

Кстати, первое массовое убийство гражданских евреев произошло не намного позже – 24 июня, когда около 100 человек было расстреляно зондеркомандо «Тильзит» в приграничном с Восточной Пруссией литовском местечке Кретинга (или, по-немецки, Гарсден). Расстрел произошел по инициативе начальника АГ «А» Шталеккера, прибывшего в Тильзит еще 22 июня. При этом сама расстрельная команда состояла в основном из кадров полицейского округа Тильзит, расположенного прямо по соседству – по другую сторону бывшей советско-немецкой границы⁸. Вместе с евреями тогда расстреляли еще и несколько коммунистов и даже жену бывшего советского коменданта города (Angrick 2003:131).

В конце июня погромы и убийства евреев прокатились по большим городам (Каунасу, Львову, Белостоку и др.), где прямыми убийцами поначалу были не столько сами немцы, сколько местные – главным образом литовские и украинские – националисты-погромщики (разумеется, при полном понимании, благорасположении и прямом подстрекательстве немецкой стороны).

Все это заставляет еще раз вернуться к проблеме хронологического начала Холокоста. Ведь до сих пор принято считать, что геноцид евреев как политическая задача впервые был озвучен только в конце января 1942 г., на конференции в Ваннзее. К. Герлах датирует это же самое декабрем 1941 г. (первоначальным временем, когда должна была состояться встреча в Ваннзее), а К. Браунинг – сентябрем 1941 г., увязывая это решение с началом массовых расстрелов гражданского еврейского населения на оккупированной территории СССР. Так что же – и начало Холокоста в таком случае следовало бы датировать сентябрем, декабрем 1941 г. или даже февралем 1942 г.?

Но как же тогда с уже убитыми к этому времени десятками и сотнями тысяч советских евреев – военнопленных и гражданских? Разве это – еще не Холокост? Неужели все это акты самодеятельности или оплошности подчиненных?

Конечно же, это – Холокост или, точнее, его самая первая стадия (Альтман 2002:193). И невозможно себе представить, что, будучи одной из постоянных в разговорах Гитлера с его ближним кругом, эта тема, а равно и подготовка и «старт» систематического народоубийства не оставили после себя документальных или мемуарных следов. По версии А. Штрайма, прямой приказ об уничтожении евреев был принят всего лишь за несколько дней до нападения на СССР, причем приказ этот, во избежание огласки, был отдан Гитлером устно и спущен вниз – тоже устным способом – через Гимmlера и Гейдриха (Longerich 1992: 85). Так, согласно П. Лонгериху, Гейдрих буквально за несколько дней до 22 июня издал устный приказ об убийстве всех коммунистических функционеров и всех евреев на партийных и государственных должностях

Согласно П. Лонгериху, анализ «Сообщений о событиях в СССР» (ВАН. R 58. № 214–221⁹) позволяет выделить следующие две стадии: доклады первых шести недель войны были посвящены исключительно еврейским погромам, инспирированным немцами, но проходившим без прямого немецкого участия¹⁰, а также массовым расстрелам мирного населения, большую часть жертв которых при этом составляли евреи-мужчины, при этом вовсе не занимавшие каких-либо государственных или партийных постов (тут следует сделать маленькую оговорку о том, что хронологически первые убийства евреев на территории СССР происходили, как правило, без прямого участия айнзатцгрупп (АГ) и айнзатц-коммандо (АК) еще и потому, что они прибыли на места своей деятельности только в конце июня¹¹). Вторая фаза, по Лонгериху, отличается от первой лишь тем, что с августа 1941 г. расстреливать начали не только евреев, но и евреек и еврейских детей (Longerich 1992:85–89).

Тем самым никакой прямой связи между «функцией» жертв в советском государстве и их уничтожением не было: на практике срабатывала одна только «привязка» – национальная принадлежность жертв! И это дает П. Лонгериху (а вслед за ним и нам) серьезные основания полагать, что все разговоры о евреях-функционерах, включая и «Приказ о комиссарах» от 6 июня (см. ниже), не более чем ширма для куда более радикального устного приказа, с самого начала предусматривавшего ликвидацию евреев в целом (и поначалу, возможно, ограниченную еврейскими мужского пола).

Не забудем и то – впрочем, достаточно малоизвестное – обстоятельство, что даже среди советских моряков торгового флота – выходцев из балтийских стран, интернированных тотчас же после (а иногда и до!) объявления войны 22 июня, поводилась своего рода «селекция»: матросов-евреев обособляли и снимали с судов, тогда как неевреев оставляли на месте (Полян 2002:127).

Коль скоро это справедливо для мирного еврейского населения, то тем более это очевидно и для евреев – военнослужащих Красной Армии. *Все они однозначно подлежали ликвидации*, и для этого не нужно было дожидаться ни прибытия айнзатцкоммандо, ни боевых приказов Гейдриха, которые в действительности не более чем упорядочивали этот процесс. *Первыми* из числа советских евреев соприкоснувшись с вермахтом и СС (при сдаче в плен или вскоре после этого), именно *советские военнопленные-евреи стали первыми по времени жертвами Холокоста в СССР*.

И это совершенно принципиальное и до сих пор широко и охотно игнорируемое обстоятельство необходимо особо отметить и еще раз подчеркнуть: *Холокост как система физического уничтожения немцами евреев хронологически ведет свое начало именно с систематического убийства евреев-военнопленных!*

Советские военнопленные-евреи и нормативная база их убийства

В самом начале весны 1941 г. подготовка Германии ко вторжению в СССР перешла в активную фазу.

Отдел охраны тыла ОКБ под руководством генерала Варлимонта подготовил и передал в штаб ОКБ проект «Директивы об особых областях, согласно указанию № 21 («Барбаросса»)». 3 марта начальник штаба ОКБ Йодль вернул его обратно с пометой о том, что в окончательном тексте фюрер просил бы учесть следующие указания: оперативная полоса сухопутных войск должна быть как можно менее глубокой, за нею следуют области не военного, а гражданского управления (рейхскомиссариаты и пр.), через которые и будут осуществляться политика на востоке¹². Эти области насыщаются силами СС, полевой жандармерии и полиции, – войскам же предстоит сосредоточиться главным образом на военных задачах (Jacobsen 1967:143–144).

Указания эти Йодль получил, скорее всего, на встрече с Гитлером и Кейтелем, состоявшейся накануне. Тогда Гитлер, может быть, впервые коснулся вопроса, а что же делать с политическими противниками Рейха в СССР? Его собственная позиция уже вполне сформировалась: это будет борьба мировоззрений, борьба не на жизнь, а на смерть, поэтому – политических врагов следует уничтожать под корень, безо всякой оглядки на международное право. Из этого вытекала важность роли «чистильщика», которую фюрер отводил Гиммлеру и СС. В то же время тема экзекуций с самого начала не упускалась из виду и на сугубо военных подготовительных совещаниях.

Действия АК координировал непосредственно Гиммлер, в каждый отдел «1с» (контрразведка) армейского уровня он направляет связного офицера СС (рангом не выше начальника «1с»), но при этом экзекуции настолько, насколько это было возможно, осуществлялись не на глазах у войск. От имени своей группы армий Шах фон Виттенау потребовал ускоренного структурирования групп армий и доукомплектования частей полиции безопасности (в том числе для обеспечения безопасности войск на марше), а также максимально четкого распределения обязанностей и полномочий между ними и СС (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 209. Л. 121; см. также: *Verbrechen der Wehrmacht 2002:57*, факсимиле со ссылкой на: РГВА. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 41. Л. 41).

Неделей позже, 13 марта, переговоры продолжились на куда более высоком уровне. ОКБ (Кейтель), ОКХ (Э. Вагнер), СС (Гиммлер) и РСХА (Гейдрих) обсуждали практически то же самое – распределение компетенций и обязанностей на оккупированной советской территории. Учитывая как указания Гитлера¹³, так и пожелания Шаха фон Виттенау, новый проект, с одной стороны, предоставлял СС и АГ полную самостоятельность в вопросах карательной политики против местного населения, но с другой стороны – действовать они должны были по возможности скрытно и вне войсковых соединений ОКХ¹⁴.

Это «вне войсковых соединений», по замечанию Р. Огоррека, подчеркивало попытку армии (и прежде всего ОКХ) как можно более дистанцироваться от карательных органов. Деятельность последних регламентировалась строго фиксированными рамками и ограничивалась исключительно глубокой тыловой зоной сухопутных войск¹⁵.

Карательная же функция непосредственно в армейском тылу закреплялась за соединениями полиции безопасности (зипо) и СД, которым в этой связи присваивалось специальное обозначение «особые команды» (Sonderkommando, или ЗК). В их функции в первую очередь входили устройство гетто и «гражданских лагерей», охота за особо важными функционерами, архивами и картотеками враждебных Рейху организаций, действовавших в ближайшем тылу. Задача же физической расправы над евреями, в отличие от круга задач АГ и АК, хотя и не

была им противопоказана, но фактически не была первостепенной, и часто палачами подготовленных ЗК жертв были не они, а как раз подоспевшие следом АГ и АК (Gerlach 1999:540).

25 марта Вагнер и Гейдрих встретились вновь. Результатом их переговоров стал новый проект указа об урегулировании деятельности полиции безопасности и службы безопасности в соединениях сухопутных сил от 26 марта.

Подготовленный ОКХ и РСХА проект указа был подписан командующим ОКХ фон Браухичем 28 апреля без каких бы то ни было изменений в тексте (International Military Tribunal, Nürnberg. Doc. NOKW 2080; рус. пер.: Наумов П: 122–123, № 417). Фактически указ означал и то, что АГ и АК могут приступать к своим «спец-операциям» только с известным запаздыванием по фазе, поскольку тыл сухопутных войск может возникнуть лишь тогда, когда сами войска продвинулись на значительное расстояние вперед.

И действительно, известны случаи, когда на обращения руководителей АГ о заблаговременном их перебазировании в районы будущей деятельности военные отвечали отказом, ссылаясь на регламентирующее соглашение от 28 апреля 1941 г., а также на то, что тыловая зона сухопутных войск, где им надлежало бы действовать, еще не сформировалась¹⁶.

Это – исключительно важное обстоятельство, и оно нуждается в определенном осмыслении. Оно означает, что между карательной деятельностью АГ и наступательными операциями вермахта принципиально обязательно существовал некий временной лаг запаздывания, величина которого зависела, во-первых, от скорости продвижения вермахта вперед, как, впрочем, и от того, наступает ли он вообще. Из этого же априори следует, что деятельность АГ и АК на оккупированной территории СССР могла начаться не ранее, чем тыловая зона сухопутных войск впервые сформируется, а это – даже в условиях триумфального продвижения вперед – все же требовало определенного времени. Тем самым АГ и АК никак не могли входить – и не входили – в число палачей евреев из мирного населения, убитых в первые же дни войны¹⁷.

И действительно, хорошо документированная история первоначального выдвижения АГ и АК говорит о том, что все они прибыли в места изначальной дислокации самое раннее 28–29 июня (правда, к выполнению своих обязанностей они приступили сразу же).

Однако «цена» недопущения АГ и АК в оперативную зону и ближний тыл оказалась высокой: немалую толику задач по первоначальному выявлению и уничтожению врагов Рейха в этих районах, не говоря уже о селекции военнопленных, вермахту пришлось брать на себя (подробнее см.: Ogorreck 1996: 27–42). Именно активного соучастия в ликвидации «большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции» жестко потребовал от вермахта Гитлер в своей программной пламенной речи, произнесенной перед высшими офицерами 30 марта 1941 г.

В тот же вечер Гальдер записал в боевом дневнике: «Точно так же как политических функционеров, так и войсковых комиссаров после их пленения надлежит отделять от других военнопленных и передавать айнзатцгруппам СД... Там, где такая передача по военным обстоятельствам невозможна, функционеры и комиссары должны расстреливаться войсками» (Grainer 1951: 371).

Тогда, собственно, и была озвучена идея будущего приказа о комиссарах (Ogorreck 1996: 39–40; Schramm 1965: 337, запись от 30 марта 1941 г.). Уже на завтра, 31 марта, ОКХ получило задание разработать проект директивы об обращении с захваченными в плен политработниками. Над проектом работали начальник Отдела войск противника на Востоке ОКХ генерал-лейтенант Э. Мюллер и его советник по правовым вопросам д-р Латтман (Förster 1983: 436). Генерал Гальдер, начальник штаба ОКХ, просуммировал их результаты одной фразой: «В восточной кампании войскам придется принять участие в борьбе мировоззрений» (цит. по: Ibid 436, запись от 6 мая 1941 г.) – и, кажется, тут имелись в виду не философские диспуты!¹⁸

Результаты работы ОКХ, надо полагать, поступили и в ОКБ, где велась и своя работа над соответствующими проектами. 12 мая генерал Варлимонт докладывал в Берлине начальнику штаба вермахта генерал-полковнику Йодлю соображения об обращении с политическими и военными руководителями, взятыми на востоке в плен. Проект Варлимонта не только не рассматривал их как пленных, но и предусматривал их физическое устранение, причем право принятия конкретного решения о расстреле предоставлялось всем офицерам вермахта, правомочным накладывать дисциплинарные взыскания, а основанием, достаточным для принятия такого решения, являлось бы любое подтверждение самого факта принадлежности к политорганам Красной Армии (в том числе и самое простое – по форме одежды).

Другое дело, что операции такого рода должны были вестись не в ущерб самим боевым действиям, – вопросы жизни и смерти конкретных политкомиссаров можно было немного и отложить. Но, самое позднее, они должны были уничтожаться в дулагах: их транспортировка в глубокий тыл и тем более в Рейх не предусматривалась. Задача выявления политработников в тылу (за исключением политработников из числа военнопленных) также доверилась «специалистам» из АК.

Из наброска Варлимонта явствует, что в это же время существовал еще и альтернативный проект – памятка № 3 рейхсляйтера А. Розенберга: она предусматривала ликвидацию только высших и крупных чиновников при оставлении в живых средних и мелких – в интересах хозяйственного управления оккупированными территориями.

Поэтому Варлимонт предлагал вынести на решение фюрера следующие принципы: а) политкомиссары в войсках безоговорочно подлежат уничтожению; б) с политическими и хозяйственными руководителями надлежит обращаться в зависимости от их враждебности по отношению к оккупационным властям: враждебных, в соответствии с приказом «Барбаросса», рассматривать как партизан и уничтожать, а внешне лояльных – временно оставлять и передавать в руки ЗК, компетентных разобраться в каждом конкретном случае. Начальник штаба ОКБ Йодль отреагировал на записку Варлимонта так: «Следует считаться с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучше всего поэтому представить все это мероприятие как расплату»¹⁹.

В то же время нельзя не отметить той осторожности и постепенности, с какими вермахт, в отличие от НСДАП, СС или РСХА, допускал в свои нормативные акты прямые указания на их смертоносный антисемитизм. Военные ограничивались, по возможности, эвфемизмами типа «особые операции по заданию фюрера», «специальное обхождение» и т. д. Что бы ни обсуждалось в марте и апреле между вермахтом, СС и РСХА, как бы заиглательно ни говорил Гитлер 30 марта, – первые антисемитские пароли в письменной форме в делопроизводстве вермахта датируются только началом мая.

Так, в приказе командующего 4-й танковой группы Гепнера от 2 мая 1941 г. о предстоящих боевых действиях на Востоке говорится как о борьбе германцев со славянами и об «отпоре еврейскому большевизму» (ВА-МА. LVI АК, 17956/7а; рус. пер.: Наумов II: 151, № 432)²⁰. В датированном 6 мая наброске приказа об обхождении с враждебно настроенными местными жителями на оккупированных территориях упоминается беспощадное подавление любых носителей «еврейско-большевистского мировоззрения» среди гражданского населения (см.: Jakobsen 1965:175–176)²¹.

Последний набросок являлся одним из подготовительных документов к Указу Гитлера «О применении военной юрисдикции и об особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 г.²² Он освобождал военнослужащих вермахта от всякой судебной ответственности в оперативной зоне войск и практически являл собой самую настоящую индульгенцию на любое убийство или насилие против советских граждан.

Интересно, что в окончательном тексте самого Указа «большевистское влияние» осталось, а вот упоминание «еврейскости» исчезло (Jakobsen 1965:181–184, № 8; рус. пер. с датой 13 мая 1941 г.: Первые дни войны 1989: 52–54, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 564. Л. 23–26). А ведь это Указ, до середины июля прослуживший юридическим «прикрытием» для множества акций против евреев как из числа военнопленных, так и из местного населения!

Евреи же как таковые, безотносительно к большевистской идеологии, впервые упоминаются и вовсе только 4 июня 1941 г. – в «Инструкции о поведении войск в России»:

«1.1. Большевизм – смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Это разрушительное мировоззрение и его носители заслуживают того, чтобы Германия дала им бой;

2. Эта борьба потребует безоглядных и энергичных действий против большевистских поджигателей, партизан, саботажников, евреев и уничтожения без остатка любого активного и пассивного сопротивления с их стороны...» (Jakobsen 1965:187–188).

А двумя днями позже – 6 июня – была выпущена знаменитая «Инструкция по обхождению с политическими комиссарами», более известная как «Приказ о комиссарах»: «В борьбе с большевизмом на поведение врага в соответствии с принципами человечности или международного права *рассчитывать не приходится*. В особенности от *политических комиссаров всех мастей* как носителей духа сопротивления следует ожидать исполненного ненависти, жестокого и бесчеловечного отношения по отношению к нашим военнопленным. [Поэтому] войска должны сознавать: в этой борьбе по отношению к этим элементам нет места пощаде и оглядке на международное право. <...> Поэтому, схваченных *в бою или при сопротивлении*, их следует, как правило, уничтожать на месте, применяя для этого оружие» (цит. по: Jakobsen 1965:188–191)²³.

За несколько дней до нападения «Приказ о комиссарах» зачитывался в войсках, причем его интерпретация была доверена средним командирам. Их понимание задачи нередко было куда как более широким, нежели сам приказ.

Так, рядовой Руди Махке, попав в плен, в частности, показал: «Наш капитан Финкельберг делал в нашей роте доклад о Красной Армии за два дня до начала похода. Кратко были обсуждены знаки различия, затем он сказал, что в плен никого брать не нужно – это лишние едоки и вообще это раса, истребление которой является прогрессом. Комиссары, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, настоящие черти в образе человеческом и их нужно истреблять, без колебаний расстреливать. Невыполнение этого приказа будет стоить жизни нам самим» (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 44. Л. 15а, 15б; собственноручные показания и перевод, без даты).

Тут, кстати, существенна именно сама по себе широкая свобода «интерпретации» приказа офицерами вермахта. Так что не следует переоценивать то обстоятельство, что евреи как таковые в «Приказе о комиссарах» даже не названы. Отмеченная только что свобода «интерпретации» с лихвой выправляла этот «недостаток».

К тому же есть основания полагать, что под комиссарами не в последнюю очередь в виду подразумевались именно евреи или, по крайней мере, в том числе евреи. Сплав «комиссарского» с «еврейским» непосредственно в головах разработчиков «Приказа

о комиссарах» характеризует одна прелюбопытнейшая фраза, всплывшая при обсуждении проекта ОКХ в Отделе у Э. Мюллера еще 26 мая: «Многие не-еврейские комиссары несомненно всего лишь попутчики и не являются приверженцами коммунистической идеи» (Förster 1983: 436, со ссылкой на: ВА-МА. RH 19. III. № 722). Ю. Ферстер резонно усмат-

ривает в этом свидетельство типичности такого рода отождествления большевизма и еврейства.

Определенно восходя к стереотипам антисоветской пропаганды еще середины 1930-х гг.²⁴, когда ведомство Геббельса охотно оперировало словами «жиды», «комиссары» и «большевики», как синонимами, такое отождествление было само собой разумеющимся и чуть ли не общим местом. Замороженные на двухлетие германо-советской дружбы, эти стереотипы были вновь подхвачены немецкой пропагандой накануне нападения на СССР. В первом же пункте датированных 10 июня 1941 г. и подписанных командующим ОКХ Йодлем «Указаний по пропагандистской деятельности в случае „Плана Барбаросса“» говорится: «Врагами Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно жидо-большевистское советское правительство со своими функционерами и Коммунистической партией, вынашивающими планы мировой революции» (ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 209. Л. 10). Поэтому на эзоповом языке национал-социалистической идеологии за словом «комиссар» просвечивало слово «еврей» точно так же, как из словосочетания «особое обращение» проступало «убийство».

К. Браунинг довольно тонко заметил, что если при нападении на Польшу расправа с польскими евреями еще могла подождать до того момента, когда закончится истребление польской национальной интеллигенции, то в случае нападения на СССР ни евреям, ни большевикам уже не приходилось «ждать» друг друга: «И за теми, и за другими айнзатцкоммандо охотились с одинаковым энтузиазмом, ибо и те, и другие являлись для них биологической и политической манифестацией все одного и того же – а именно „жидобольшевистского заговора“» (Browning, 1989:780)²⁵.

8 июня свой приказ, соответствующий «Приказу о комиссарах» (но с грифом: «Приказ ОКБ»), выпустил и главнокомандующий ОКХ фельдмаршал фон Браухич, спустив его тем самым до армейских групп, армий и танковых групп (далее предусматривалась только устное оповещение) (Jacobsen 1967). Он сделал в нем два существенных пояснения, призванных удержать возможный произвол войск хоть в каких-то рамках: первое предусматривало со стороны военнопленного действия или отношение, однозначно направленное против вермахта, а второе предписывало осуществлять экзекуции, по возможности, вне зоны боя и только по приказу офицера. 10 и 11 июня Мюллер собрал офицеров отдела «1с» и войсковых судей уровня групп армий и армий у себя в отделе, вручил им копии приказа фон Браухича и проинструктировал (далее им предстояло самим инструктировать нижестоящих) (Förster 1983:438).

Тем не менее, даже с учетом пояснений ОКХ, из текста «Приказа» многое оставалось так и не ясным. Например: в какой степени сфера его действительности распространялась и на гражданских партийных руководителей, которых рекомендовалось расстреливать лишь в том случае, если они участвовали в боевых действиях, актах саботажа и т. д.? Другой неясный вопрос: до какого войскового уровня дотягивалось, в немецкой интерпретации, понятие «комиссар»? Ведь на уровне рот, батарей и эскадронов существовали не комиссары, а политруки, и на них действие «Приказа о комиссарах» было распространено только в августе 1941 г. (Ibid., 439, со ссылкой на: ВА-МА. RH 26–22. № 66, 67). Важнейшим признаком установления комиссарства считалось наличие на рукавах гимнастерок красных звездочек с золотистыми серпом и молотом, но точно такие же звездочки носили и военные корреспонденты, начальники клубов и домов офицеров, армейские артисты и музыканты. Как тут быть? (Лужеренко 1989:173).

Склонность трактовать этот приказ расширительно проявилась и в распространении его в некоторых случаях на всех евреев вообще²⁶. Так, известно, что офицер отдела «1с» 22-й пехотной дивизии инструктировал 20 июня адъютантов командиров нижестоящих соединений – и чему? – «Обхождению с политическими комиссарами, евреями и прочими пленными» (Förster 1983: 439, со ссылкой на: ВА-МА. RH 26-454/ № 6).

Другой пример. Начальник Отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа генерал-лейтенант в отставке К. фон Остеррайх показывал после войны, что 24 июня 1941 г. он получил из ОКБ «Приказ о комиссарах», подписанный начальником Управления ОКБ по делам военнопленных генералом Рейнекке (Reinecke), в котором, как ему помнилось, немецким войскам и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, коммунистов и евреев. То, как запомнился ему этот приказ, куда важнее того, что в нем действительно было или чего не было (показания от 28 декабря 1945 г.: ВИЖ. 1991. № 3. С. 39–40, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 103. Л. 137–144; публ. С.В. Биленко, А.В. Костенецкого).

Точно такая же «ошибка» зафиксирована и в следственном деле Вернера Фридриха, бывшего члена штаба 17-й армии. Его обвинили в дальнейшей передаче нижестоящим частям 17-й армии Приказа о комиссарах от 6 июня 1941 г., обозначенного тут же как Приказ о селекции и казни советских военнопленных еврейского происхождения, политкомиссаров и так называемых «невыносимых элементов» в лагерях (IfZ, München. Gn 02.42. Vorermittlungsverfahren 319 AR – Z 46/76 – АОК 17). На это же указывал в своих показаниях 1948 г. и штурмбаннфюрер СС Курт Линдов, в 1942–1944 гг. возглавлявший реферат IVA «1с» в Имперском Главном управлении безопасности (RSHA), занимавшийся вопросами военнопленных. Именно его реферат готовил приказы и расстрельные списки на военнопленных, уходившие потом в штаб-лаги и концлагеря за подписью начальника Отдела IV Генриха Мюллера (Jacobsen 1967:223–225).

В добавлениях к «Приказу о комиссарах», выпущенных всего двумя днями позже, т. е. 8 июня, уточнялось, что расстреливать на месте следует не всех комиссаров, а только тех из них, кто вел себя по отношению к вермахту явно или нарочито враждебно. Это поправка была спасительной, но не для евреев, а лишь для части нееврейских политкомиссаров.

Интересно, что в «Указаниях по использованию русских военнопленных», изданных Кейтелем 8 июля, в конце сообщается: «... Особенности обращения с военнопленными в зависимости от их национальности настоящими <указаниями> не затрагиваются» (Полян 2002: 59). Это можно интерпретировать двояко: или эти «особенности» еще предстоит сформулировать в самом ближайшем будущем, или они считаются уже сформулированными, например, в той же «Инструкции о поведении войск в России» или в «Приказе о комиссарах».

Полностью нельзя исключать и существование какого-то иного, неназванного, приказа. Ведь то обстоятельство, что тот или иной документ не обнаружен, еще не означает того, что его и не было. Так что не стоит исключать и отдачу приказа устным образом, как это часто практиковалось в Рейхе в особо деликатных случаях (см. ниже).

Из четырех первоначальных начальников АГ живым и дееспособным до Нюрнбергского трибунала дотянул один лишь Отто Олендорф (АГ «D»). Выступая 3 января 1946 г. на Главном Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, он показал, что за 3–4 дня до отправки на восток в Претш приехал его начальник, руководитель I отдела РСХА бригаденфюрер СС Бруно Штрекенбах и, собрав начальников АГ и АК, объявил им устный приказ Гитлера общего характера об убийстве всех евреев, какие только попадутся в СССР на пути (а также некоторых других частей советского населения). Олендорф, и не он один, указывал также и на встречу 17 июня в Берлине, на которой Гейдрих дал общую установку относительно их действий в предстоящей войне (см.: Ogorreck 1996:47–52).

Определенный временной лаг-отставание был неизбежен и в деятельности зондеркомандо, действовавших в ближайшем тылу отдельных сухопутных соединений. В первую очередь им предстояло участвовать в налаживании военной администрации, устраивать гетто и «гражданские лагеря», охотиться за функционерами, архивами и т. п. Задача же физической

расправы над евреями фактически не была для них первостепенной, и часто палачами подготовленных зондеркоммандо жертв были не они, а АГ и АК (Gerlach 1999:540).

В самые первые дни войны не только евреи, но и любые другие советские военнопленные, в том числе и перебежчики, формально-юридически стали жертвами не столько «Приказа о комиссарах», сколько «Инструкции о поведении войск в России». Только в области группы армий «Центр» на территории Белоруссии известны случаи расстрела рядовыми и унтер-офицерами вермахта многих сотен военнопленных, не оказывавших им при этом ни малейшего сопротивления.

Но выморочное право на бесконтрольное и бессмысленное убийство было чревато потерей боевой дисциплины, и наиболее дальновидные старшие офицеры иногда приказывали их прекратить. Так поступил, например, 25 июня 1941 г. командир XLVII танкового корпуса генерал И. Лемельзен. Но при этом он оговорил, что его приказ не распространялся на две категории неприятеля – на партизан и на комиссаров (Ibid., 774–775). Поскольку никаких партизан 22–25 июня еще и в помине не было, то в качестве единственных «легитимных» жертв – причем с первого же дня и первого боя – фигурировали одни «комиссары». Последние же, напомним, пропагандистски ассоциировались и отождествлялись именно с евреями. Недаром в листовках Министерства пропаганды усиленно муссировался тезис, что в Красной Армии три политкомиссара из четырех – евреи (см., например: Шнеер II: 158, со ссылкой на Архив Яд Вашем, М.41/1011)!²⁷

Так что идея официального распространения смертоносности «Приказа о комиссарах» на всех советских военнопленных еврейской национальности, как говорится, витала в воздухе. И уже в «Боевом приказе» руководителя РСХА Р. Гейдриха № 8 от 17 июля 1941 г. (см. ниже) невнятности или двусмысленности не оставалось места, здесь все это было прописано с подбающей четкостью.

Иными словами, – начиная по меньшей мере с 17 июля, – все пленные евреи-красноармейцы – неважно, комиссары они или нет – однозначно подлежали *ликвидации на месте*. И, если, согласно приказу о комиссарах, АГ и АК также участвовали в процессе расправы над комиссарами, но только в тылу сухопутных войск (а стало быть, все-таки не сразу, а спустя определенное время после начала войны), то вермахт как таковой форсировал этот Рубикон, уже будучи запрограммированным на искоренение комиссаров-евреев и с индульгенцией за это убийство в кармане – в виде приказа «Барбаросса».

Из описанной административно-временной раскладки вытекают два принципиальных вывода.

Первыми по времени палачами военнопленных-евреев в геноцидальной германо-советской войне стали военнослужащие вермахта.

Их первыми де-факто еврейскими жертвами в этой войне стали советские военнопленные-евреи, а их первыми жертвами де-юре – евреи-политработники.

До недавнего времени считалось, что ликвидация зазора между этим «де-юре» и «де-факто» состоялась только с отдачей Гейдрихом своего «Боевого приказа № 8» от 17 июля 1941 г. Этот приказ распространил смертельную опасность вообще на всех вызывающих подозрение лиц – как военнопленных, так и гражданских. При этом особенно важно, что именно в этом приказе евреи (любые евреи!) впервые названы по имени «как целевая группа», предназначенная для ликвидации.

Может показаться, что приказ Гейдриха целил прежде всего в гражданских лиц, но это не так: как бы во избежание этого впечатления одновременно с ним было издано три приложения (рус. пер.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 1-12).

Первое из них – это «Инструкция по фильтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в войне на Востоке, в лагерях для военнопленных на оккупированной территории, в зоне военных действий, в Генерал-Губернаторстве и в лагерях на терри-

тории Рейха». Всех собранных в «русских лагерях» надлежало рассортировать на пять групп и, соответственно, лагерных зон: 1) гражданские лица; 2) военнопленные (включая и тех, что переоделись в гражданскую одежду; по-европейски выглядящих пленных надлежало отделять от выглядящих по-азиатски); 3) политически неприемлемые лица из первых двух групп; 4) лица из первых двух, представляющиеся заслуживающими внимания и пригодные для использования при возрождении занятых территорий; 5) лица немецкой национальности из состава первых двух групп.

Кто же относился к «политически неприемлемым» из третьей группы? На кого охотились спецы из СД и завербованные ими стукачи из четвертой группы?

Ответ на эти вопросы содержит «Инструкция для команд, направляемых начальником зипо и СД в шталаги», она же приложение 2 к «Боевому приказу № 8»: «Прежде всего выявлению подлежат: все сколь либо значительные деятели партии и государства, в особенности профессиональные революционеры; деятели Коминтерна; сотрудники центральных, краевых и областных организаций коммунистической партии; все народные комиссары и их заместители; все бывшие политкомиссары Красной армии; руководители госучреждений верхнего и среднего звена; руководящие работники народного хозяйства; советско-русские интеллигенты; *все евреи* (курсив наш. – П.П.); все подстрекательски или фанатично настроенные коммунисты» (Jacobsen 1967:203; рус. пер.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 8-11).

Итак, предпоследней категорией среди них значатся – «все евреи»! Но не менее выразительной является и следующая цитата из инструкции: «В конечном счете при принятии решений необходимо учитывать национальную принадлежность».

Эта инструкция была согласована РСХА и ОКБ буквально накануне, 16 июля 1941 г. Интересно, что среди материалов, подготовленных американской стороной к Нюрнбергскому процессу, но не опубликованных в его материалах, имеется и проект этой инструкции, датированный еще 28 июня 1941 г. (IfZ. Dok. PS-078. Bl. 1–3). Существенными отличиями окончательной редакции от проекта являются разве что отсутствие в проекте указания на параллельную позитивную задачу по выявлению среди военнопленных еще и тех, кого можно было бы привлечь к решению административно-хозяйственных задач на оккупированных территориях СССР, а также части требований по характеру письменной отчетности²⁸.

Третьим приложением был список из 14 офлагов и шталагов на территории I военного округа (Восточная Пруссия) и Генерал-Губернаторства. Относительно дулагов в оперативной зоне отмечалась подвижность их местоположения и рекомендовалось справляться о них в службе генерал-квартирмейстера (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 12).

Действенность самого «Боевого приказ № 8» первоначально была ограничена территорией оперативной зоны ОКХ, I Военного округа и Генерал-Губернаторства. «Боевой приказ № 9» от 21 июля 1941 г. распространил его положения на всю территорию самого Рейха (Jacobsen 1965: 205–207). Применительно к военнопленным и с учетом расплывчатости или недостижимости остальных категорий, приказы № 8 и № 9 являлись, по существу, окончательными смертными приговорами всему политсоставу Красной Армии²⁹ и всем военнослужащим-евреям, независимо от должности и военной специальности³⁰.

Впоследствии слово «евреи» практически исчезло из лексикона нормативных актов о советских военнопленных³¹.

В соответствии с приказами, политруков и евреев уничтожали непосредственно на поле боя, причем независимо от военного звания: никакой регистрации при этом, естественно, не было. Но нередко смерть откладывалась и ожидала их несколько позже – после соблюдения ряда процедур, как то систематическая проверка (Überprüfung) и даже дополнительное установление факта еврейства. В таких случаях отобранных евреев, как правило, изолировали в специально отгороженных отсеках лагерей, бараках или палатках.

Сведениями о какой бы то ни было именной регистрации военнопленных-евреев, дождавшихся своей участи в дулагах, мы не располагаем, но в шталагах такая регистрация производилась (не говоря уже о случаях «разоблаченных» евреев). Судьба «отобранных» тем самым была уже предрешена – смерти они были обречены. Расстрелять их могли – в зависимости от обстоятельств – и через день-два, и через несколько месяцев. В случае такой отсрочки военнопленных-евреев, как правило, помечали: на гимнастерку или на шинель нашивались желтые шестиконечные звезды. Нередко их маркировали и по-другому, например, «звездами Давида», намалеванными масляной краской на гимнастерках, или белыми четырехугольными лоскутами³². Сама казнь происходила в таком случае несколько позже – в сборных или даже в стационарных лагерях (а если на территории Германии – то в концлагерях).

Теме обхождения с военнопленными-евреями было посвящено даже специальное заседание в июле³³ у начальника Управления ОКВ по делам военнопленных генералом Г. Рейнеке с участием начальника IV Управления РСХА (гестапо) обергруппенфюрера Мюллера, начальника управления лагерей для военнопленных ОКВ полковника Ганса-Иоахима Брейера (Breuer) и представителя абвера полковника Эриха Лахузена (Lahousen). От имени своего ведомства и своего шефа, адмирала Вильгельма Франца Канариса, Лахузен выразил несогласие с деморализующей практикой расстрела военнопленных на глазах у немецких войск; к тому же это было чревато лишними потерями немецких солдат, ибо отбивало у красноармейцев охоту сдаваться в плен; да и вербовка агентов в среде военнопленных была этим сильно затруднена. Рейнеке и Мюллер резко возражали Лахузена, но прилюдные казни распорядились прекратить³⁴. Но, разумеется, не сами казни!

Несколько других попыток высокопоставленных военных отменить приказ о комиссарах в 1941 г. также не возымели эффекта (см., например: Antrag des OKH an das OKW v. 23.09.1941 auf Überprüfung der Notwendigkeit des Komissarbefehls, mit Ablehnung; факсимиле: Streim 1982: 226–228, Dok. II.2). Фактически он был все же отменен, но только в мае или июне 1942 г. и только частично: разоблаченная принадлежность к политкадрам Красной Армии как таковая более не каралась смертью, а вот разоблаченное еврейство, как и прежде, – каралось³⁵.

Тем самым была еще раз подчеркнута доминанта неприемлемости расового врага даже над таким фундаментальным признаком, как неприемлемость врага политического.

Палачи

В боевой обстановке и непосредственно в момент пленения решения о расстреле на месте могли приниматься на самом низком уровне – для этого было достаточно офицерского приказа, причем без какого бы то ни было утруждения военно-судебных структур вермахта³⁶.

Сама же установка в общих чертах была прописана в специальной «Инструкции для особых областей» от 13 марта 1941 г., являвшейся органической частью «Плана Барбаросса», а также в специальном соглашении между ОКХ, СС и РСХА³⁷ от 28 апреля 1941 г., регулировавшем взаимоотношения и взаимодействие сухопутных войск и войск СС (см.: Streit 1991: 32; Streim 1981:72–73).

В соответствии с этими директивами в мае 1941 г. в трех тишайших саксонских городах на Эльбе (Претш, Дюбен и Бад-Шмидеберг) были созданы, быть может, одни из самых страшных войсковых соединений в мировой военной истории – *айнзатцгруппы*, или оперативные соединения, предназначенные для обеспечения активной карательной политики Третьего Рейха в войне с СССР (своего рода «эскадроны смерти»). Каждая АГ состояла из зондеркоммандо и айнзатцкоммандо: первые действовали в ближайшем тылу отдельных армий, а вторые – в более глубоком тылу сухопутных войск (Klein 1996:19). В задачи ЗК входило участие в налаживании военной администрации, устройство гетто и «гражданских лагерей», охота за функционерами, архивами и т. п. Как таковая задача физической расправы над попавшими в их руки евреями фактически не была для них первостепенной, и часто палачами подготовленных ими жертв были не сами ЗК, а подоспевшие АК. Но иногда, как в случае расстрела евреев Кретинги 24 июня, именно они брались за эту «задачу», притом с подобающим энтузиазмом.

Задача эта была четко увязана со стратегическим построением сил вермахта. Так, группам армий «Север», «Центр» и «Юг» соответствовали оперативные группы «А», «С» (начиная с 11 июля переименованная в «В») и «В» (тогда же переименованная в «С»), а оперативному району 11-й армии, охватывавшему юг Украины и Северный Кавказ, была придана оперативная группа «D». Численный состав отдельных АГ составлял от 500 до 800 чел., причем штаты этих формировались из сотрудников РСХА (крипо и зипо) и СД, а также из нескольких приданных каждой из них резервных батальонов полиции и батальонов СС.

14 июня 1941 г. генерал-квартирмейстер Вагнер определил Данциг, Позен и Катовице в качестве исходных рубежей АГ, куда они должны были прибыть не позднее 25 июня. К этому времени начальники тыловых зон сухопутных войск должны были бы сообщить им время и место их передислокации на территорию СССР (Ogorreck 1996: 46, со ссылками на: ВА-МА, RH 2/2082, В1.130–139). В действительности все произошло несколько иначе: в войска большинство АК прибыли самое раннее в последние дни июня, и хотя и приступили сразу же к исполнению своих палаческих «прямых обязанностей», но расстреливать систематически и массово начали только в июле-августе (Hilberg 1999: 307).

Именно им, этим «эскадронам смерти», предстояло героически бороться в тылу вермахта с тысячами и миллионами еврейских женщин, стариков и детей. Впрочем, не им одним: усилия этих нескольких тысяч убийц-профессионалов не были бы столь эффективны, когда бы не опора на местных палачей-«любителей» из антисемитов – донощиков и лагерных полицаяев.

На своих штандартах айнзатцкоммандо вполне могли бы начертать и следующий шедевр геббельсовской пропаганды: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича!»

Но на практике все-таки требовалась интерпретация этого двустипия, причем конкретизации подлежали оба элемента его изысканной рифмы. Во-первых, кто такой «жид-политрук»? Иными словами, какие категории лиц среди военнопленных следовало бы в процессе чисток выявлять? А во-вторых – «кирпич»: что же именно с «жидами» делать?

Впрочем, геноцидальное начало политики вермахта по отношению к советским военнопленным не ограничивалось отношением к евреям-военнопленным, а шло значительно дальше – на первом этапе боевых действий имея негласной целью косвенное уничтожение как можно большего числа советских военнопленных как контингента (инструментом такого уничтожения было нарочито пассивное отношение к причинам и факторам их колоссальной смертности осенью и зимой 1941 г. – голоду, холоду, эпидемиям, условиям транспортировки и содержания).

Исключение делалось для представителей расово близких или дружественных народов. Так, в самом начале войны имело место даже массовое *увольнение военнопленных из плена и перевод их в гражданский статус* (Полян 2003:97–98).

Так, 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера вермахта Вагнера об освобождении из плена представителей ряда «дружественных» национальностей, как то: немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а также белорусов (Гриф секретности 1993: 334, со ссылкой на: ВА, RH-23/5-155, RH-53-23/65, R-41/168, H-3/729)³⁸. Согласно распоряжению ОКВ от 14 октября 1941 г., военнопленные подвергались проверке и сортировке в случае их принадлежности к фольксдойче, украинцам, белорусам, грузинам или финнам (Polizeiverordnung über die Kenntlichmachung der im Reich befindlichen Ostarbeiter und Ostarbeiterinnen vom 19.6.1944; см.: Gatterbauer 1975:174, со ссылкой на: Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes in Wien, Akt № 8394). В официальной статистике ОКХ освобожденных из плена фигурировали литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, румыны, финны, фольксдойче, белорусы, «кавказцы» и «туркестанцы» (см.: ВА-МА, RH 3/V.180).

В середине ноября 1941 г. имела хождение немецкая листовка, на одной стороне которой были изображены военнопленные, радующиеся своему освобождению из плена, и следующий текст: «Вот это правда! Военнопленные уже освобождаются и идут по домам. Чего ж долго думать? Перебегайте к нам! Вы тоже скоро будете дома!», а на другой – образец выдававшегося дулагом «Удостоверения об освобождении» (Entlassungsausweis). В «Удостоверении», которое полагалось постоянно носить при себе и предъявлять по первому требованию любого военнослужащего вермахта, были сформулированы условия, на которых военнопленный отпускался из плена: никаких враждебных действий против немецкого народа (читай: вермахта), его союзников и дружественных народов; до дома добираться – кратчайшим путем и в течение 8 дней зарегистрироваться в ближайшей немецкой комендатуре; смену местожительства осуществлять только с разрешения немецких властей; в случае, если освобождение из плена состоялось как раз по местожительству военнопленного, то при регистрации надлежит сдать всю имеющуюся красноармейскую экипировку (Kirschner 1987: 160). Часть из них, похоже, позднее были завербованы на работы в Рейх как гражданские лица: тех же, кто «не оправдал доверия» и бежал с места работ или уходил к партизанам, жестоко наказывали³⁹.

Действие приказа от 25 июля было приостановлено 13 ноября 1941 г.⁴⁰ – по крайней мере, применительно к украинцам и белорусам (Pfahlmann 1968: 58). Тем не менее освобождение из плена – и по несколько тысяч человек в месяц – продолжалось и в 1942 г., и его действием суммарно было затронуто 318,8 тыс. чел. (см.: Гриф секретности 1993:334, со ссылкой на: ВА, RH-23/5-155, RH-53-23/65, R-41/168, H-3/729)⁴¹.

Нередко привилегия быть освобожденным из плена оплачивалась ценой предательства и выдачи немцам евреев и комиссаров⁴². Кстати, среди сумевших примазаться к привилегированным национальностям и получить таким образом освобождение были, разумеется, и... евреи. Так, Абрам Резниченко (он же Аркадий Резенко) из Хорольского лагеря, узнав, что из села Лохвицы в лагерь приехал староста забирать «своих», – рискнул и выдал себя за «лохвицкого»: «Мне повезло: староста „узнал“ меня, своего „земляка“...» (Резниченко 1993: 393).

В контексте полиэтничности СССР и как бы на полях затронутой проблемы советских военнопленных-евреев следует сделать одну важную оговорку. Нередко за евреев по ошибке признавали, – а стало быть, и расстреливали – представителей и других народов, – особенно часто татар (в том числе крымских татар⁴³), армян⁴⁴ и грузин. О расстреле лейтенанта Хонелидзе, черноволосого и длинноносого грузина, принятого за еврея, писал Илье Эренбургу Семен Гриншпун (Гриншпун 1993:128–130). И даже сына Сталина Якова Джугашвили, приняв поначалу за еврея, при пленении едва не расстреляли. Иногда расстреливали и русских, не обязательно даже чернявых, а просто – с «заметной внешностью»⁴⁵.

В группу риска входили и военнопленные красноармейцы из немцев Поволжья: их нередко подвергали особенно тщательным личной проверке и медосмотру, поскольку их фамилии были слишком похожи на еврейские, и немцы опасались, что перед ними не фольксдойче, а выдающие себя за них евреи (см.: Шульга 1998: 325, со ссылками на: Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 6210 [Фильтрационный фонд]. Оп. 1. Д. 18167. Л. 4–5).

Зато те из фольксдойче, кто прошел эту проверку, имели неплохие шансы на то, чтобы не просто покинуть дулаг или шталаг, а еще и преобразиться, а точнее сказать, обернуться – из жертвы в палача. Их, в частности, заставляли подписывать следующее: «Я, (фамилия, имя и отчество) являюсь немцем, обязываюсь выявлять среди русских военнопленных коммунистов, командиров и комиссаров Красной Армии, а также лиц, занимающихся антифашистской агитацией и имеющих намерение бежать» (Там же, 331, Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 6210. Оп. 1. Д. 10302. Л. 4, 9). Многие гражданские фольксдойче, равно как украинцы, прибалты и русские, лично участвовали в идентификации и расстрелах гражданского еврейского населения⁴⁶.

Селекция и ликвидация на оккупированной территории СССР

Число советских евреев в немецком плену, по оценке Ш. Краковского, составляло около 85 тыс. чел. (Krakowski 1992:229; см. также: Encyclopedia of Holocaust 1990:1181). Практически ту же цифру – 80–85 тыс. – вслед за ним называет И. Арад (Arad 1993:125). При этом исследователи отталкивались от 1,8-процентной доли евреев в населении СССР, что если и искажает данный расчет, то в сторону завышения.

Самым высокопоставленным среди них, возможно, являлся генерал-майор интендантской службы Григорий Моисеевич Зусманович, раненный и взятый немцами в плен 24 мая 1942 г. под Харьковом⁴⁷.

Всего же, по имеющимся оценкам, гитлеровцы уничтожили от 55 тыс. (И. Арад) до 80 тыс. (А. Шнеер) советских евреев-военнопленных (Альтман 2002: 31)⁴⁸. Вторая оценка, соответствующая 94-процентной смертности евреев в немецком плену, представляется нам более реалистичной. Во-первых, в пользу оценки

А. Шнеера четко свидетельствует количество евреев-военнопленных среди репатриированных в СССР (около 5 тыс. чел.). Во-вторых, оценка А. Арада приводит нас к общей смертности «всего лишь» в 65 %, что сравнительно ненамного выше общей смертности среди советских военнопленных в целом, составившей, по оценке К. Штрайта, около 57 %. В последнее время И. Арад пересмотрел свою оценку и поднял ее до 70 тыс. чел.⁴⁹

Если же придерживаться оценки А. Шнеера и если вспомнить, что во время войны погибло порядка 200 тыс. евреев-красноармейцев, то доля погибших в плену среди них составила 40 %.

В литературе встречаются и некоторые частичные оценки смертности среди военнопленных-евреев. Так, по состоянию на 21 декабря 1941 г., согласно отчету шефа гестапо Мюллера, было выявлено около 22 тыс. неблагонадежных советских военнопленных, из них 16 тыс. уничтожено: «квота» евреев среди уничтоженных была, предположительно, не ниже 90 %, так что порядка 14–15 тыс. еврейских военнопленных было ликвидировано только за это время и, судя по полномочиям Мюллера, только в зоне ответственности ОКВ (Hilberg 1999:357). К середине 1942 г. число неблагонадежных советских военнопленных, выявленных на той же территории и переданных СС, достигло, по оценке Р. Отто, не менее 40 тыс. чел. (Otto 2002:133). Квота евреев среди них не могла не понизиться (среди выявленных было немало саботажников, беглецов и т. д.), да и среди отправленных в концлагеря погибали, разумеется, не все, – тем не менее суммарная оценка числа евреев среди них по меньшей мере в 25 тыс. чел. представлялась бы вполне реалистичной. В таком случае на зону ответственности ОКХ приходится около 55 тыс. убитых советских евреев-военнопленных.

Их селекции и расстрелы начались, как мы уже отмечали, буквально на следующий день после нападения на СССР. Свидетельства при этом оставили как немецкие палачи, так и нееврейские очевидцы, а также сами чудом уцелевшие жертвы. Но самый охват свидетельствами реального пространства геноцида евреев-военнопленных выборочен и случаен. К тому же следует помнить, что в каждом отдельном случае количественные параметры могут рассматриваться скорее как преувеличенные, чем как адекватные, поскольку базируются, как правило, не на подсчетах, а на эмоциональных и, следовательно, преувеличивающих впечатлениях или прикидках. Если же просуммировать фигурирующие в них цифры жертв, то мы получим цифру чуть ли не в 50–55 тыс. чел., что равняется максимально возможной оценке и поэтому малореалистично.

Тем не менее приведем все собранные нами свидетельства.

Сразу несколько лагерей для военнопленных находилось в районе Слуцка. Все выявленные в них евреи – оценочно 1,5–2 тыс. человек – были расстреляны в них уже в июне-июле 1941 г. (Свердлов 1996: 20, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 28-й армии. Оп. 8423. Д. 84. Л. 141). Только в районе Бреста (в лагере на левом берегу Буга) в июле было расстреляно около 2 тыс. чел. (Там же, 12, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 65-й армии. Оп. 10510. Д. 113. Л. 22). Девять евреев-военнопленных были расстреляны в середине августа в лагере в Бердичеве⁵⁰.

Летом 1941 г. в 1600-метровом противотанковом рву недалеко от д. Тонкеля было расстреляно не менее 5 тыс. советских военнопленных-евреев из шталага 316 в Сухожебрах, что в 10 км от г. Седлец. Расстрелы производились, согласно свидетельским показаниям, тотчас же после селекции (выявления) отдельных евреев из общей массы военнопленных. Их привозили сюда на грузовиках (по 50–60 чел. на каждом), выгружали в 150–200 метрах от места казни, подводили ко рву, раздевали (правда, не всегда) и расстреливали. Расстрелы в этом же месте продолжались и осенью: только за три дня с 12 по 14 ноября 1941 г., по слухам, было расстреляно около 30 тыс. чел. (Там же, 12–16, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 65-й армии. Оп. 10510. Д. 113. Л. 13,16,20,26,34–35)⁵¹.

В августе 1941 г. в 5 км от железнодорожной станции Августов в окрестностях г. Сувалки был оборудован лагерь уничтожения евреев: здесь было расстреляно около 8 тыс. человек – как местных евреев, так и свезенных сюда из других мест. Среди них, по свидетельствам местных жителей, было немало и евреев-военнопленных (Свердлов 1996:8–9,33, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 183. Л. 36; Ф. 31-й армии. Оп. 8599. Д. 218. Л. 60–61).

Что-то подобное, вероятно, наблюдалось и среди самих шталагов. Некоторые из них, по-видимому, занимались уничтожением не только «своих» военнопленных-евреев, но и обслуживали в этом отношении другие лагеря. На эту мысль наводит датированное 19 октября 1941 г. свидетельство немецкого солдата о ежедневных расстрелах от 300 до 400 таких военнопленных в шталаге 319 Хелм и отделении этого шталага во Влодаве (Ploski 1946: 266)⁵². По сообщению Э.Н. Сосина, евреев-военнопленных со всего Западного фронта сгоняли в лагерь Форт VI в Ковно (Каунасе)⁵³ (личное сообщение, 2004).

В августе 1941 г. под Херсоном был разбит огороженный колючей проволокой лагерь для советских военнопленных. В первые же дни его существования в нем было выявлено и поблизости расстреляно до 500 евреев (в дальнейшем, по мере довыявления, евреев расстреливали небольшими партиями или даже поодиночке) (Свердлов 1996: 60, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 28-й армии. Оп. 8523. Д. 84. Л. 44–45).

Об аналогичной роли дулага Хорол (речь идет об осени 1941 г.) пишет Абрам Резниченко: «Часто в Хорольский лагерь приводили партии евреев. Их приводили под усиленным конвоем, на руках и на спинах у них были нашиты опознавательные знаки – шестиконечные звезды. Евреев гнали по всему лагерю, посылали на самые унижительные работы, а к концу дня, на глазах у всех, – уничтожали» (Резниченко 1993: 393).

Весьма внушительно и число евреев-военнопленных, расстрелянных в балке возле Кривого Рога с помощью украинской вспомогательной полиции, – около 800 человек⁵⁴, по состоянию на 15 октября 1941 г., когда город был объявлен «юденфрай» (Verbrechen der Wehrmacht, со ссылкой на: Lagerbericht der Orts-kommandatur I/253(V) in Kriwoj Rog v.15.10.1941: ZStdIV, Dokumentation, UdSSR III, Bl. 779–789). По дороге на казнь они были сфотографированы, и эти снимки сохранились (Verbrechen der Wehrmacht. Со ссылкой на: Landesarchiv Schleswig-Holstein, Kiel. Abt. 352. № 2477).

Около 160 евреев-военнопленных было расстреляно в ноябре 1941 г. в одном из отделений шталага 305 в Кировограде, расположенном в г. Адабаш, что приблизительно в 50 км от Кировограда. Еще 350 военнопленных было расстреляно там же в другой раз. Исполнителями преступления были военнослужащие 2-й роты 783-го батальона полиции правопорядка

(Landesschutz), причем легко раненых пристреливал самолично лагерный врач д-р Кудерна (Kuderna)⁵⁵. О том, что происходило в конце августа 1941 г. в самом лагере в Кировограде, свидетельствует красноармеец М.Ф. Нефедов (Свердлов 1996: 58, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 19. Л. 73).

В шталаге Борисов, что под Киевом, 14 октября 1941 г. расстреляли 752 евреев-военнопленных, в том числе нескольких комиссаров и 78 раненых евреев, переданных для расстрела лагерным врачом (Krakowski 1992: 227, со ссылкой на оперативный отчет № 132 АК 4а от 12 ноября 1941 г.)⁵⁶.

Сотни тысяч советских военнопленных были согнаны в лагеря на территории Польши, – соответственно, и экзекуции евреев-военнопленных нередко происходили на польской территории. Так, М. Бартничак пишет, в частности, о пытках и массовых расстрелах в шталагах 324 и 333 в Коморове и Острове-Мазовецком (Bartniczak 1978: 66–67, 85). О советских военнопленных-евреях в лагерях на территории Польши немало пишет и Ш. Датнер (Датнер 1964).

То же самое происходило, кстати, не только в Польше, на Украине и в Белоруссии, но и на территории РСФСР, причем подробные и достоверные сведения о злодеяниях фашистов, благодаря зимнему контрнаступлению под Москвой 1941/42 г., стали достоянием военного командования уже в этот период. В политдонесениях армий содержатся сведения о расстрелах осенью 1941 г. военнопленных-евреев в лагерях для военнопленных – близ г. Щекино Тульской области (около 25 чел.) (Свердлов 1996:79, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 50-й армии. Оп. 9783. Д. 19. Л. 38)⁵⁷ и в лагере близ Оленино Калининской области (около 40 чел.) (Свердлов 1996: 77, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 39-й армии. Оп. 9087. Д. 138. Л. 3). О селекциях в шталагах Рославля и Вязьмы пишут В. Голубков (Голубков 1958) и С. Анваер (Анваер 2005).

Та же практика, что и в 1941 г., продолжалась в 1942–1943 гг. Оккупировав часть Северного Кавказа, немцы и там организовали сеть лагерей для советских военнопленных. Так, сборный лагерь в станице Курской Ставропольского края располагался во дворе исполкома райсовета и был обнесен колючей проволокой, у ворот – усиленная охрана. День и ночь и в любую погоду пленных держали под открытым небом и практически не кормя. Местным же жителям запрещали даже поить пленных: любая попытка сердобольности штрафовалась побоями. Далее – цитата: «20 августа 1942 г. немецкие изверги отобрали в лагере 6 человек военнопленных, вывели их на середину двора лагеря, раздели и разули, после чего начали над ними издеваться. Сначала некоторых из них брали за уши и тянули со всей силой, заставляя их следовать за ними, затем всех их били палкой по голове и по другим частям тела, после чего замученных этих 6 человек военнопленных вывели за станицу и расстреляли» (акт ЧГК о злодеяниях оккупантов в Курском районе Ставропольского края от 19 июля 1943 г.: ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 2–2 об.). Совершенно очевидно, что в данном случае описана процедура «селекции» из солдатской массы и «экзекуции» военнопленных евреев и комиссаров.

В середине января 1943 г. (т. е. за несколько дней до освобождения) в лагере 205 близ с. Алексеевка была произведена «селекция», и 60 пленных-евреев были тотчас убиты, причем их не расстреляли, а подвергли пыткам (вспарывали животы, отрубали конечности, проламывали черепа) и закололи штыками. За время существования этого лагеря с сентября 1942 по январь 1943 г. в этом лагере, через который прошло до 10 тыс. чел., было убито не менее 400 евреев (Свердлов 1996:80–81, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 68-й армии. Оп. 3064. Д. 105. Л. 42).

Подавляющее большинство евреев, уничтоженных в левобережной части Киевской области, – 3300 из 4000 – составили военнопленные (Альтман 2002:301). В 1943 г., при освобождении с. Злотовка в Киевской области были обнаружены обезображенные трупы военнопленных евреев с отрезанными языками, проломанными черепами, следами ожогов и других пыток (Свердлов 1996:48,58).

Наглядное представление о том, как в лагерях происходила первичная селекция, дают собранные в настоящей книге воспоминания бывших советских военнопленных – как русских, так и евреев.

Разумеется, сохранились свидетельства и самих еврейских военнопленных. Приведем один пример из не включенных в книгу воспоминаний медсестры-еврейки Софьи Иосифовны Анваер. Вот что происходило в сборном лагере для военнопленных в Вязьме, куда она попала осенью 1941 г.: «... Был конец ноября. Стояло хмурое утро. Внезапно во дворе раздалась нарастающая стрельба, усилилась хрипая брань, крики. На этаже появились солдаты и эсэсовцы. Угрожая автоматами, они стали выгонять полуживых пленных во двор. Тех, кто не мог подняться, пристреливали. На лестнице образовалась страшная давка. Передние не успевали выходить, а на задних напирала немцы с криком и стрельбой. Между верхними и нижними этажами было широкое окно. Через него мне и удалось увидеть, что происходило во дворе. Шел еврейский погром. Эсэсовцы отбирали евреев и отгоняли их вправо. Более месяца, проведенного в этом лагере, сделали мне смерть милее жизни. Не раз уже я сама лезла под пули, но когда я увидела, как они убивают евреев, как над ними издеваются эсэсовцы с помощью собак (описывать это я не в состоянии), и представила, что же они могут сделать с женщиной, то постаралась задержаться на лестнице, пусть пристрелят здесь. Задержаться не удалось, поток людей вынес меня на крыльцо. Тут же ко мне подлетел высокий эсэсовский офицер:

- Жидовка?
- Нет, грузинка.
- Фамилия?
- Анджапаридзе.
- Где родилась?
- В Тбилиси.

Последовало еще несколько вопросов... Ударом руки офицер толкнул меня не направо, куда я боялась даже взглянуть, не влево, куда отгоняли всех, а прямо вперед. Поднявшись на ноги, я обнаружила еще двух женщин-военнопленных. „Селекция“ продолжалась, нас – женщин постепенно стало шестеро. Стояли, тесно прижавшись друг к другу. Что говорить, было страшно. Страшно смотреть на то, что творилось кругом. Страшно думать о том, что могут сделать с нами. Когда “селекция” окончилась, военнопленных загнали обратно в здание, эсэсовцы и солдаты ушли, во дворе остались только трупы и мы шестеро посередине пустого пространства в полной неизвестности...» (Анваер 2005:20–21).

Так же, как и С. Анваер, под Вязьмой попал в плен и батальонный комиссар М. Шейнман (12 октября 1941 г.). Судьба провела его через лагеря в Вязьме (до 12 февраля 1942 г.), Молодечно (до июня 1942 г.), Кальварии в Литве (до декабря 1943 г.), Ченстохове (до августа 1944 г.) и Везуве (близ Эппенана-Эмсе в Германии). Он сообщает, что под Вязьмой немцы бросали живых военнопленных-евреев в колодцы (Шейнман 1993:465).

Прежде чем лишить евреев-военнопленных жизни, садисты и палачи из вермахта, СС или лагерных полицейских, с их воспаленным воображением и звериными инстинктами, подвергали несчастных разнообразным мучениям, на изобретение которых – в ситуации полной безнаказанности – они были великие мастера. Одним из любимых издевательств было принуждение евреев бегать, возить друг друга на плечах, петь или танцевать – все до физического изнеможения. Их впрягали в повозки, заставляли убирать нечистоты голыми руками.

В дулаге 160 в Хороле, где комендантом был подполковник д-р Леппле (Lepple), а врачом д-р Трюхте (Truechte), пленных сортировали на русских, украинцев, евреев и монголов (азиатов); евреев помечали шестиугольными звездами, заставляли руками собирать нечистоты в бочки, били до изуродования; зондеркомmando прибыли в лагерь только в начале марта 1942 г. – перед отправкой на экзекуцию пленных евреев раздевали до кальсон⁵⁸. Известны и

жуткие случаи натравливания на евреев собак⁵⁹, в том числе и во время селекции перед строем военнопленных со спущенными штанами (Бондарец 1960)⁶⁰.

Кстати, поначалу большое значение придавалось нарочитой публичности поиска и идентификации евреев, а также издевательств над ними перед казнью, как, впрочем, и самой казни. При этом преследовалась многосторонняя цель устрашения и морального разложения вчерашних красноармейцев, склонения их к аморальному сотрудничеству – предательству и выдаче (нередко и оговору) своих товарищей. Немцы словно бы говорили остальным: вот так мы поступаем с евреями и комиссарами – нашими заклятыми врагами, но только с ними: зато остальным нас нечего бояться!⁶¹

Не менее деморализующее воздействие оказывали эти сцены и на самих немецких военнослужащих, и с начала осени экзекуции перестали быть, по крайней мере, публичными.

... Впрочем, кроме смерти в лагере, известны и другие траектории судьбы советского военнопленного-еврея на оккупированной земле. В конце каждой из них маячило, в сущности, то же самое – смерть.

Иногда евреев-военнопленных, прежде чем расстрелять, помещали не в лагеря, а в тюрьмы гестапо, о чем, в частности, свидетельствует «граффити» в камере Харьковской тюрьмы: «Здесь сидели 2 еврея, Фуксман Саша и Зимин Михаил с 26.7.43. Расстрел произошел 13.08.43. Дрались мужественно. По-гвардейски. Верные сыны народа и погибли как следует гвардейцам» (Альтман 2002: 302, с ссылкой на: Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 2. Оп. 23. Д. 525. Л. 25).

Кстати, жизнь военнопленного-еврея могла несколько продлить его дефицитная профессия, в особенности профессия врача. Так, бывший завполикликой из г. Шахты Копылович работал в госпитале лагеря в Молодечно, а доктор Фельдман из Могилевского областного управления здравоохранения – в лагере в Минске. В Молодечно и Кальварии работали также врачи Беленький, Гордон и Круг из Москвы, Клейнер из Калуги и др. Но в декабре

1941 г. евреям-врачам запретили работать в лагерях для советских военнопленных: так, в лагере в Вязьме в конце 1941 г. селекция производилась и в госпитале, причем не только среди больных, но и среди медицинского персонала. Забрали, в частности, доктора С. Лабковского, у которого были ампутированы обе ноги. То же происходило и в лагере Богунья под Житомиром. Селекцией – как в лазаретах, так и в общих лагерях – занимались «комиссии» в составе коменданта лагеря, фельдфебеля и врача⁶².

Обработка данных об умерших советских офицерах-военнопленных из трофейной картотеки в ЦАМО показала, что более трети из них – военные врачи, ветеринары или фельдшеры, немногим меньше техников-интендантов и инженеров, строевых же офицеров – около 20 %. Разброс по возрасту (на 1941 г.) – от 21 года до 50 лет. Около $\frac{2}{3}$ – уроженцы Украины, остальные родом из России и Прибалтики. Почти 80 % попали в плен на Украине и в 1941 г., из них в одном только сентябре – 60 %!⁶³ 10 чел. попали в плен в 1942 г., а самым «поздним» по времени пленения оказался капитан Б.Г. Зарин, захваченный 25 сентября 1944 г. и выведенный из состояния плена 11 ноября того же года (для отправки в концлагерь, надо полагать).

Около $\frac{2}{3}$ из них простились с жизнью в дулагах или шталагах на оккупированной территории, остальные – в шталагах и концлагерях в Германии. Несколько лагерей встречаются особенно часто – это шталаги 346 (Кременчуг) и 334 (Белая Церковь), концлагерь Заксенхаузен и шталаг ШВ Фюрстенберг. Лишь в 10 % случаев военнопленные умерли своей смертью, например, от бомбежки или в больнице. Во всех остальных случаях они были переданы дальше для ликвидации – либо СД (если дело происходило в оперативной зоне на оккупированной территории СССР), либо гестапо и СС (в зоне ответственности ОКВ) или же застрелены при попытке к бегству. Некоторое удивление вызывает одновременность передачи значительной части военнопленных-евреев в руки СД: в 22 случаях это произошло 2 марта 1942 г. (причем

в 5–6 лагерях!), в 8 случаях – 9 сентября, а еще в нескольких случаях – 18 июня и 31 октября того же года. Карточки 10 военнопленных однозначно запечатлели следы селекции или доноса: названная ими самими и принятая немцами к сведению национальность – украинец, русский, белорус или азербайджанец – исправлена на них красным карандашом на «еврей». На удивление много карточек (более половины), где в графе «Национальность» «еврей» стоит с самого начала. Однако самой продолжительной (более 3 лет) жизнью в плену отмечен лейтенант и автомеханик Иосиф Базаненко, назвавшийся русским: взятый в плен 22 сентября 1941 г. под Оршицей и угнанный в шталаг XIII D в Нюрнберге, он был убит при авианалете 19 октября 1944 г.

Селекция и ликвидация на территории Германии

Еще в июле 1941 г. большие массы советских военнопленных стали прибывать непосредственно в Рейх, возможность чего в приказе № 8 допускалась не более чем теоретически. Это отставание от жизни было быстро исправлено в «Боевом приказе № 9» от 21 июля 1941 г.

Немаловажные уточнения содержал и указ Гейдриха от 12 сентября 1941 г., выправлявший, по всей видимости, массовые «перегибы» при исполнении приказа № 8. Сделанные в нем уточнения понятия «русско-советская интеллигенция» вывели из-под смертельной угрозы по крайней мере интеллигенцию техническую и прекратили расстрелы татар и представителей других «азиатских» (читай: мусульманских) народов, осуществлявшиеся исключительно по той причине, что и у них, как и у евреев, практиковалось обрезание (Streim 1981:71–72).

Если летом 1942 г., в отличие от лета 1941 г., советские военнопленные как рабочая сила уже представляли для Германии определенный экономический интерес и отношение к их «сохранности» в целом улучшилось, то отношение к военнопленным-евреям изменений не претерпело: все они по-прежнему подлежали уничтожению, независимо от места пленения или нахождения – на фронте или в Германии.

Непосредственно в Германии, а точнее, в зоне ответственности ОКБ как *селекцию*, так и *ликвидацию* военнопленных должна была осуществлять не лагерная администрация, а направляемые в каждый лагерь или иное место скопления неблагонадежного элемента «особые комиссии» РСХА и СД («Sonderkommissionen»). Составленные ими отчеты с указанием количества отобранных ими неблагонадежных лиц (очень часто даже без персонализирующего списка) подлежали еще формальному согласованию с руководством РСХА.

Только после этого можно было приступить непосредственно к ликвидации (или, по-немецки, *эзекуции*), но ни в коем случае не в самом лагере и не в непосредственной близости от него. В случае же невозможности обеспечить скрытность (а это было совсем не просто в самой Германии, например) обреченных смертников надлежало направлять в ближайшие концлагеря.

27 октября 1941 г., в развитие приказа № 8, Гейдрих выпустил «Боевой приказ № 14», наделявший офицеров «оперативных команд» в лагерях для военнопленных полномочиями по принятию решений и об их эзекуциях, что существенно упрощало всю процедуру (Dok. N0-3422; см.: Streim 1981:72)⁶⁴.

В начале октября 1941 г. Министерство по делам восточных территорий направило во все крупные дулаги и шталаги около 40 «Комиссий по проверке военнопленных», не только соучаствовавших в поиске среди них евреев и других потенциальных врагов, но и наделенных правом отпускать из плена украинцев и представителей некоторых других национальностей. Опасаясь наивности немецких солдат и офицеров, искренне полагававших, что необрезанных евреев не бывает, министерство разоблачило и эту «жидобольшевистскую» уловку: 10 октября оно разослало информацию о том, что начиная с 1920–1921 гг. рождения среди советских евреев запросто могут оказаться и необрезанные⁶⁵.

Генерал-лейтенант Шеммель (Schemmel), бывший в 1941–1942 гг. командиром военнопленных в XIII военном округе, показал на допросе, что из примерно 40 тыс. советских военнопленных, дислоцировавшихся в его округе, селекции и эзекуции подверглось не менее 2 тыс., или порядка 5 % (см.: Jacobsen 1967:226). Оберштурмфюрер СС Пауль Олер (Ohler), инспектор гестапо в Нюрнберге и начальник айнзатцкоммандо в офлаге Хаммельбург, показал, что из его лагеря в Дахау было отправлено на казнь не менее 500 советских военнопленных-офицеров (Ibid., 228).

Тем не менее многие еврей-военнопленные де-факто просачивались в зону ответственности ОКБ или в саму Германию и были все же «выведены на чистую воду» – теми самыми

особыми комиссиями – в лагерях уже непосредственно в Рейхе. Следы этих разоблачений содержит в себе и трофейная картотека ЦАМО. В ней можно встретить евреев, выявленных в шталагах III В, IV Н, X D, XIII D и XVII А. Присовокупим сюда еще и два восточнопрусских – № 336 (Инстербург) и 373 (Просткен) – и один польский – № 359 (Сандомир).

Что касается непосредственно смерти, то один из военнопленных-евреев погиб при бомбежке и похоронен на кладбище в Витцендорфе, а двое – лейтенанты Лев Курлов и Михаил Тарлов – застрелены 27 апреля 1942 г. при попытке к бегству из концлагеря «для неисправимых» – Маутхаузена⁶⁶. Сразу 6 чел. были переданы в Заксенхаузен: 1 чел. – 17 октября 1942 г., 2 чел. – 12 января 1943 г., 1 чел. – 22 марта 1943 г. и 2 чел. – 3 февраля 1944 г. Остальные были переданы еще на востоке в руки СД, причем значительное количество – 9 чел. – в один и тот же день (2 марта 1942 г., в основном из шталагов 346 и 334).

Свидетельства военнопленных о том, как происходила селекция евреев на территории Германии, практически не дошли до нас. Тем ценнее эпизод из воспоминаний Б.Н. Соколова о селекции в 326-м шталаге в рурском городке Хемер (Соколов 2000:144–148; см. в настоящем издании). Примечательно, что эта жуткая сцена происходила не в 1941 и даже не в 1942 или 1943 г., а в 1944-м. «Боевой приказ» Гейдриха нисколько не утратил своей значимости и свежести.

Спасшиеся и спасители

Тем не менее части евреев удалось скрыть свою подлинную национальность и свое подлинное имя, если им и дальше везло, то и уцелеть, даже на территории врага. Ведь только по официальным данным Управления по делам репатриации при Совете Министров СССР, среди репатриированных после войны граждан СССР насчитывалось 11 428 евреев, из них 6666 гражданских лиц и 4762 военнопленных (в том числе даже среди контингента «власовцы» – более сотни человек!) (Полян 1996: 298 и 312). Учитывая и тех, кто и при репатриации на всякий случай не выдал своего еврейства, общее число евреев среди репатриированных могло составить приблизительно 15 тыс. чел., причем пропорция могла измениться только в пользу остарбайтеров, поскольку военнопленных фильтровали неизмеримо тщательнее, чем гражданских лиц.

Жизнь с измененной идентичностью, постоянный страх разоблачения или предательства – все это накладывало неизгладимую печать на обстоятельства их выживания или спасения. Но при этом особенно тяжело уцелеть было именно военнопленным, среди которых велась целенаправленная и смертоносная селекция, тогда как у гражданских лиц ее не было.

И.М. Бружеставицкий написал об этом так: «Я страдал, как и все мои товарищи, попавшие в плен. Но к этому добавлялся страх разоблачения, что я еврей и политработник. Таких расстреливали немедленно...» (см. в настоящем издании).

Как это ни поразительно, но отдельные евреи, стремясь уцелеть, шли даже на... военную службу в Рейхе! Так, в списке спецконтингента, направляемого в спецлагерь НКВД СССР в Фюрстенвальде, встречаем имя Михаила Израилевича Фрейдина, 1916 г. р., уроженца г. Глухова и жителя г. Конотопа, служившего, как утверждает, в вермахте рядовым!⁶⁷

Главным способом выявления евреев было их *предательство «своими»*. Немцев провести было бы гораздо проще, если бы не доброты из числа «своих». Как образно выразился по этому поводу бывший военнопленный Семен Орштейн: «Свой не продаст, – чужой не купит...» (из видеointервью, данного Фонду С. Спилберга 18 ноября 1997 г.).

За «разоблаченного» жида или политработника в дулагах и шталагах награждали – хлебом, папиросами, а то и одеждой расстрелянного. Предателями, несомненно, двигали и менее материальные мотивы, в частности, закоренелый бытовой антисемитизм или своеобразное самовыдвижение в лагерной иерархии. Случаи же самосуда над такими предателями со стороны остальных военнопленных, о которых пишет И. Альтман (2002: 302), представляются крайне рискованными и поэтому маловероятными – и уж во всяком случае редкими.

Другими способами селекции были медосмотр и проверка в строю или в бараке. Проверяли при этом не только на обрезание, но и на особенности речи (картавость).

Для того чтобы попробовать спастись, евреям приходилось применять те или иные познания этнолингвистического или медицинского свойства, как, например, бытование обрезания не только у евреев, но и у мусульман, существование заболеваний, требующих обрезания по чисто медицинским соображениям⁶⁸, и т. п.

Как показывает анализ, подавляющее большинство самым радикальным образом меняло и имя, и отчество, и фамилию, а многие и всю легенду, включая место рождения и т. д. (есть случаи поэтапной или просто двукратной замены элементов имени). Видимо, из боязни проговориться некоторые старались сохранить при этом свое настоящее имя, если только оно само по себе не составляло угрозу. Гораздо реже встречаются случаи, когда замене подверглось одно только имя, одно только отчество или одна только фамилия (см. Приложение 1).

Так, Давид Исаакович Додин (род. 9 мая 1922 г. в д. Верещаки Горкинского р-на Могилевской обл.), рядовой, попавший в плен 27 июля 1941 г., прорывался из окружения на Минск. Не меняя имени, он успешно выдавал себя за белоруса, изменив только отчество (на «Ивано-

вич»). Его внешность и его владение белорусским языком не вызывали ни малейшего подозрения (из видеointервью Фонду С. Спилберга от 4 мая 1998 г.)⁶⁹. Перемены отчества – с Ильича на Иванович – хватило и Б.И. Беликову.

Определенную роль играл и фактор фонетического созвучия старого и нового имени. Вот как объяснил это Лев Яковлевич Простерман: «Все документы я уничтожил, характерных внешних признаков у меня не было, и я записался как русский, Просторов Алексей. „Просторов“ потому, что это было созвучно с „Простерманом“... Алексеем я стал потому, что хотел сохранить фотографии любимой, которые были подписаны мне, как „Лесе“. Так меня звали в детстве...» (из письма автору от 13 июня 2003 г.).

Некоторые сознательно брали себе идентичность знакомых им лично лиц: например, Софья Анваер стала Софьей Анджапаридзе потому, что в ее классе был такой одноклассник, и т. п. (Анваер 2005:19–21).

Но в любом случае важно было как можно лучше ориентироваться в обстоятельствах своей новой идентичности.

Среди этносов, за представителей которых они себя выдавали, чаще всего фигурировали славяне – украинцы и русские (реже белорусы) (см. Приложение I)⁷⁰. На втором месте – турки-мусульмане: татары, узбеки⁷¹ и азербайджанцы, а на третьем – армяне, грузины и даже аджарцы. Иногда выдавали себя за французов, за немцев-фольксдойче, совсем редко – за каримов, но последнее почти не помогало (Шнеер II: 172–181).

Командир взвода лейтенант Сергей О., по свидетельству М.Б. Черненко, попал в плен в 1942 г. после неудачного наступления на Южном фронте. Пожилой солдат-татарин указал ему на общность важного мусульманского и иудейского обрядов и присоветовал сказаться татаринном из соседнего с собой села. Что Сергей О. и сделал (заодно подучив татарские слова) (Черненко 1997:22).

Военный фельдшер М.И. Меламед попал в плен в сентябре 1941 г. под Киевом и – при помощи коллеги (бывшего начальника Санитарной службы 37-й армии Т.Н. Чурбакова) – сумел выдать себя за аджарца Коджарова⁷².

Израиль Моисеевич Бружеставицкий взял себе имя Леонид Петрович Бружа (Brusha), восходящее к его студенческому прозвищу.

А вот Семен Алексеевич Орштейн, по его же образному выражению, «переложился в Семенюка», – взял себе имя и фамилию своего ближайшего друга, бывшего председателя райпо и первого номера расчета станкового пулемета (сам Орштейн был его вторым номером). Настоящий же Семенюк Василий Кузьмич был тяжело ранен за два дня до того, как Орштейн попал в плен.

Большинство советских евреев-военнопленных спасли, впрочем, не столько их удачные псевдонимы и легенды, сколько добрые и совестливые люди – те, кого назовут потом Праведниками Мира. Среди них украинцы и русские, белорусы и поляки, татары и немцы, красноармейцы и гражданские, знакомые и незнакомые, городские и сельские жители. Особенно часты были летом и осенью 1941 г. такие случаи: пожилые и молодые крестьяне и крестьянки прятали у себя евреев-окруженцев или беглых пленных, выдавая их потом за односельчан, а иногда даже «выдирали» их из лагерей, вдруг «узнав» в них своих «мужей», «сыновей» или «братьев». А иногда спасенные и спасительницы, хорошо узнав друг друга, после войны соединялись вновь и создавали семью⁷³.

Жизнь военнопленного еврея часто зависела от вердикта врача, поэтому неудивительно, что среди их спасителей – так много *медиков*. Так, М. Шейнман обязан жизнью врачам Редькину и Собстелю в Вяземском лагере, Куропатенкову и Шеклакову – в Кальварии, Цветеву и Куринину – в Ченстохове (Шейнман 1993: 468). Врачам обязаны своей жизнью А.С. Вигдоров, Д.Л. Каутов, А.С. Кубланов и др. Рискуя жизнью, они делали фиктивные операции, укрывали

евреев и комиссаров среди туберкулезных, тифозных и поносников, подменяли документы и многое другое. Интересна история Григория Г. Губермана (он же Н. Колокольцев), и самого по профессии врача (сообщена его сестрой, Ж.И. Гольденфельд, Иерусалим)⁷⁴. На время расследования был заключен в тюрьму, где немецкий врач выдал ему спасительную справку о фимозе.

Иногда выручало элементарное землячество: так, москвича Эммануила Николаевича Сосина (он же Михаил Николаевич Зарин) спасло то, что в лагере Ковно, куда он попал, один главный полицай оказался его земляком, москвичом с Мещанской улицы, – он-то и сорвал с него желтую звезду (сзади) и «отправил» в Германию (личное сообщение, 2004).

Немало военнопленных евреев спаслось, сумев убежать к партизанам. Младший лейтенант Борис Ильич Беликов, 39-летний еврей из Ялты, попал в плен под Харьковом, но не со своей частью, а с госпиталем, где лежал. Отчество он изменил на «Иванович», но спасение его было в том, что ни в сборном лагере в Чугуеве, ни в офицерском лагере во Владимире-Волыньском, ни в арбайтскоммандо под Кельце он ни разу не встретил знакомых. Два самых страшных его воспоминания: первое – в лагерь поступили новички (не дай бог кто из них знакомый!), второе – медосмотр и помывка в бане (он всегда старался проскочить в гущу людей и как можно скорей намылиться). Однажды ему послышалось, что кто-то обратился к нему не «Боря», а «Борух», и он бежал. Попал к партизанам из Армии Крайовой, а потом к своим (записано с его слов в 1997 г. в Бад-Киссингене, Германия).

Михаил Меламед, военврач 192-й пехотной дивизии, попал в плен в сентябре 1941 г. под Кировоградом. В лагере возле Винницы он объявил себя татаринном. После перевода в лагерь в Житомире, а именно в июле 1942 г., бежал, был снова пойман, отправлен в лагерь в Гомель, откуда снова бежал и примкнул к 27-й партизанской бригаде им. Кирова (Krakowski 1992: 228, со ссылкой на: Yad Vashem Archives, 03/4018). К партизанам – из бригады генерала Бегмы – в конечном счете попал и младший лейтенант Александр Абугов, взятый в плен в августе 1941 г. До этого он перебивал во множестве лагерей для военнопленных – Умань, Винница (здесь, по его свидетельству, были расстреляны сотни евреев), Шепетовка, Брест-Литовск, Кобрин и Ковель (откуда он и бежал) (Krakowski 1992: 228, со ссылкой на: Yad Vashem Archives, Testimony Abugov).

На волосок от гибели – как в России, так и в Голландии – прошел плен и студент истфака и ополченец (впоследствии профессор истории Ростовского университета) Герман Бауман (Бауман 1991)⁷⁵. Судьба пленника, проведя Я.С. Кагаловского по 16 лагерям, привела его к концу войны во Францию, а И.Е. Азаркевича – в Норвегию!

Впрочем, была и еще одна необычная траектория судьбы советского военнопленного-еврея – попадание в гетто: своего рода «польский вариант». Александр Иосифович Шпильман из Харькова попал в плен и, будучи обрезанным, был разоблачен как еврей в Каунасском (Ковненском) шталаге. Однако его не убили, а перевели в Минск, причем не в знаменитый Минский шталаг, а в Минское гетто – то самое, куда депортировали и немецких евреев. Оттуда ему удалось бежать, а потом, в порядке продолжения чуда, прибиться к партизанам и даже уцелеть (запись в архиве автора⁷⁶).

Не менее поразителен случай окруженца Александра Владимировича Шламовича, до войны работавшего бухгалтером-ревизором Смоленского торгового управления и сталкиваясь в то время, по делам службы, с адвокатом Б.Г. Меньшагиным. Меньшагина немцы назначили на должность бургомистра (начальника) Смоленска. Пробравшись в Смоленск и придя к Меньшагину на прием, Шламович попросил дать ему документ, указав в нем в графе «национальность» – русский. Далее, по Меньшагину, произошло следующее: «Я ходил в паспортный отдел, порылся в архиве учетных карточек довоенного адресного бюро, вытащил из него несколько, в том числе и карточку Шламовича; потом я эту карточку незаметно положил в карман, а остальные отдал зав. адресным бюро Грибоедовой. После этого я выдал Шламовичу

документ, как русскому, а старую карточку уничтожил. Шламовича я больше никогда не видел, но слышал, что он работал у немцев на железной дороге. Во время следствия по моему делу осенью

1945 г. упоминавшийся уже майор Б.А. Беляев спрашивал меня, помнил ли я Шламовича и знал ли я, что он еврей. На мой утвердительный ответ, он спросил, почему же я дал ему удостоверение, что он русский, какие задания я ему давал. Я объяснил, что причина понятна – избежать немецких преследований, заданий же никаких не давал и самого Шламовича больше не видел. Беляев пожимал плечами, удивляясь, что я рисковал собой при обнаружении подделки и, без всяких выгод для себя, дал Шламовичу этот документ. Он так, видимо, и не мог понять того, что добро людям можно делать, не преследуя при этом каких-либо личных выгод, что оно само по себе приносит награду делающему в виде большого нравственного удовлетворения» (Меньшагин, рукопись).

Другой – и нередкой – траекторией был побег, причем побег, естественно, были эффективнее и чаще на востоке, нежели в самом Рейхе. В случае успеха он мог завершиться не только у партизан, о чем мы уже говорили, но и, скажем, в... той же Германии, однако уже в совершенно ином – гражданском – статусе. Именно такова еврейская судьба Виктора (Самуила) Ефимовича Кацперовского.

Немало военнопленных – а чаще всего даже не военнопленных, а окруженцев – еще на родине расставались с формой и выдавали себя за гражданских, в каковом качестве и попадали в Германию – оstarбайтерами⁷⁷. Их спасало и то, что на оstarбайтеров в Рейхе боевой приказ № 9 Гейдриха, разумеется, не распространялся и, как гражданских, их не подвергали селекции.

Надо сказать, что в отдельных случаях еврейская национальность военнопленного не составляла никакой тайны для его товарищей по несчастью. Но его, тем не менее, никто не выдавал, и он «благополучно» дождался вместе с ними освобождения. Так, Александр Малофеев пишет в своих «Воспоминаниях» о шталаге IX А (Цигенхайн): «Среди нас был и еврей Леонид Портнов из Одессы, которого все тщательно охраняли от посягательств на его жизнь стороны немцев» (Малофеев 1982:42).

Интересно, что даже пребывание в плену, на территории врага, да еще под вымышленным именем, не удерживало некоторых активистов из числа евреев-военнопленных от того, чтобы принимать участие или даже возглавить сопротивление врагу. Целый ряд таких примеров – отчасти имевших место в концлагерях – приведены в «Книге памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом»: Александр Печерский (в концлагере Собибор), Борис Гройсман (Владимир Моисеев), Михаил Зингер, М.П. Шихерт (Иосиф Харитонович Альбердовский), Иосиф Хонович Альперович, Израэль Весельницкий, Александр Моисеевич Файнбра (Хамадан, или Михайлов) и др. (Марьяновский, Соболев 1997:30–31). Подполковник Якоб Талес, взятый в плен в конце июня 1941 г., бежал из лагеря под Уманью и стал одним из руководителей сопротивления в Бершадском гетто и партизанского отряда (Krakowski 1992:228, со ссылкой на: Yad Vashem Archives, O33C/959).

Участвовали они в Сопротивлении и непосредственно в шталагах. Ярчайшие два – случаи Иосифа Фельдмана (Георгий Фесенко) и Макса Григорьевича Минца (Михаил Минаков). Первый – батальонный комиссар, до войны – начальник отдела в Днепропетровском управлении НКВД. Попал в плен под Уманью, но смог бежать. По заданию компартии записался на работы в Германию с целью организации сопротивления в Германии. И действительно, в марте 1943 г., в транзитном лагере в Мюнхене и вместе с летчиком К. Озолиным, Фельдман-Фесенко создал первую ячейку Братского союза военнопленных (Андреев 1999). Второй – москвич, кадровый офицер, капитан-артиллерист. В плен попал в Брянском котле, а в Германию – в мае 1942 г. Член подпольного «Комитета» в шталаге XIV Бад-Эрбке – о нем много говорится в

воспоминаниях Д. Иванцова (Иванцов 1980: 53, 57, 60)⁷⁸. Его памяти посвящена целая книга, вышедшая в 1999 г. в Израиле (В плену 1999)⁷⁹.

Как и в концентрационных лагерях, в сопротивлении нередко и эффективно участвовали врачи. Так, уже упоминавшийся Г. Губерман-Колокольцев (он же Н. Колокольцев), работавший в Германии врачом-рентгенологом в шталаге для туберкулезных, участвовал в его лагерном подполье. Для того чтобы спасти жизнь тем или иным пленным, которым грозила смерть, их сначала записывали туберкулезными больными, а потом списывали, как умерших, присваивая им имена людей, действительно умерших от туберкулеза⁸⁰. Имени шталага Губерман вспомнить не мог, но скорее всего это – Цайтхайн. Если это так, то в эту же группу, по-видимому, входил и Д.И. Додин, работавший там в лазаретной команде старшим фельдшером (из видеointервью Фонду С. Спилберга от 4 мая 1998 г.)⁸¹.

Советские военнопленные-евреи в финском и румынском плену

Среди союзников Третьего Рейха по коалиции стран, объявивших войну СССР, совершенно особое место занимают Румыния и Финляндия. Только эти два государства имели на территории СССР «свои» оккупационные зоны, и только они вывозили на свою территорию и эксплуатировали принудительный труд советских военнопленных и гражданских лиц.

Финляндия, оккупировав Восточную Карелию, действовала на оккупированной территории как в военном, так и в военно-гражданском отношениях самостоятельно и независимо от своих немецких союзников. В то же время союзнические отношения Румынии с Германией во время Второй мировой войны носили совершенно другой характер и определялись тесной скоординированностью, а точнее, соподчиненностью. Румыния выступала как типичный младший союзник, или сателлит, согласовывавший с Берлином практически каждый свой шаг как в румынской оккупационной зоне (Транснистрия), так и в самой Румынии. В полной мере это относилось и к содержанию и трудовому использованию советских военнопленных, а также к принудительному труду мирных советских граждан на территории Румынии.

Во всех оперативных вопросах военного партнерства с Румынией немецкое доминирование было совершенно очевидным. За исключением битвы за Одессу, продолжавшейся до середины октября, когда румынские войска вели самостоятельную наступательную операцию, они были полностью интегрированы в немецкие вооруженные силы (например, в Крыму или на Сталинградском направлении).

Планом «Барбаросса» предусматривалось следующее распределение зон ответственности за взятых в плен красноармейцев: за территорию Рейха и Генерал-Губернаторство отвечала ОКВ, а за оперативную зону в СССР и Румынию – ОКХ, представленная в Румынии Германской миссией сухопутных войск (*Deutsche Heeresmission Rumänien*). Заметьте, не союзная румынская армия, а связующий ее с вермахтом немецкий орган (Jakobsen 1965:198).

Так оно было и на самом деле. Вопросы о судьбе красноармейцев, взятых в плен на востоке общими усилиями вермахта и румынской армии или усилиями одной только румынской армией, решались не в Бухаресте, а в Берлине.

Территории, оккупированные немецкими и румынскими войсками, составили впоследствии три губернаторства, из которых два (аннексированные в 1940 г. СССР) были присоединены к Румынии – Бессарабия и Северная Буковина, а третье – Транснистрия со столицей в Одессе⁸² – было передано под румынский протекторат по Тираспольскому договору от 30 августа 1941 г. (это было своеобразной компенсацией Румынии за большую часть Трансильвании, которую ей пришлось уступить в 1940 г. Венгрии).

В вопросах гражданского управления подконтрольными оккупированными территориями, особенно в вопросах религии, образования и культуры, румынская политика была более самостоятельной, чем в военной сфере (так, единственный открытый университет на всей оккупированной Украине находился в Одессе).

Заслуживает упоминания и «самостоятельность» Румынии, как это ни удивительно, в вопросах геноцида евреев. Быть может, еще более жестокая и беспощадная по отношению к евреям на первом этапе войны (примерно до Московского контрнаступления

Красной Армии), позднее политика Румынии стала несравнимо мягче. Начиная с начала 1942 г. уничтожение евреев в румынской оккупационной зоне фактически прекратилось. Можно уверенно сказать, что шансы евреев на выживание в зоне румынского гражданского управления были гораздо выше, чем в оперативной зоне вермахта или в Рейхскомиссариате

Украина: здесь уцелело и дождалось освобождения заметное большинство всех евреев на территории послевоенного СССР, избежавших ликвидации (Альтман 2002).

Согласно энциклопедическому словарю «Румынская армия во Второй мировой войне (1941–1945)», выпущенному в Бухаресте в 1999 г. (Dutu, Dobre, Loghin 1999:329–341⁸³), за период между 22 июня 1941 г. и 22 августа 1944 г., т. е. за время боевых действий между советской и румынской армиями, румыны взяли в плен 91060 советских военнослужащих⁸⁴.

Военнопленные поступали из зоны действия румынской армии, в частности, 21 тыс. пришла из Транснистрии и 19 тыс. из Крыма. Около 2 тыс. военнопленных было на судне, потопленном советской подлодкой в районе Бургаса, и лишь 170 из них спаслись.

Из 91060 советских военнопленных 13 682 чел. было отпущено из плена (румыны – а скорее всего, румыны и молдаване – из Северной Буковины и Бессарабии; немцы-фольксдойче передавались немецкой стороне и, скорее всего, не регистрировались), 82 057 доставлено в Румынию, 3331 бежал и 5223 (или 5,7 %) умерло в лагерях. Это несоизмеримо малая величина по сравнению со смертностью советских военнопленных в финском и, особенно, в немецком плену.

Для советских военнопленных было создано 12 лагерей, из них два лагеря находились вне Румынии – в Тирасполе и Одессе. В самой Румынии находилось, по утверждению румынских историков, 10 лагерей, однако перечень лагерей, хотя бы раз упоминаемых в их тексте, несколько превосходит это число. Это: Слободзия, Владень, Брашов, Абаджеш, Корбень, Карагунешт, Дева + Индепенденца, Ковулуй + Майя, Васлуй, Дорнешти, Радоуть, Будешти, Фельдиора, Боград и Ригнет⁸⁵.

Отвечала за военнопленных Gas Kommando der Streitkräfte für Innere Verteidigung под командованием генерала Харитана Драгомиреску. Охранялись лагеря румынской жандармерией численным составом, по состоянию на 1 августа 1942 г., в 4210 чел. (216 офицеров, 197 унтер-офицеров и 3797 солдат).

Условия жизни в лагерях, в соответствии с международным правом, существенно различались для офицеров и солдат: первые жили в каменных домах, вторые – в деревянных бараках, а осенью 1941 г. – частично и на земле, под открытым небом (печи для бараков получили только в 1942 г.). В медицинском отношении лагеря для советских военнопленных обслуживало более 150 врачей – 6 румынских, 66 еврейских и 85 советских.

Из 5223 умерших – всего лишь 55 офицеров и 6 младших офицеров. Остальные – солдаты, причем больше всего умерло в Будешти (938 чел.), Вулкане (841), Васлуе (799) и Фельдоре (738). Среди причин смертности – тиф (1100 чел.), несчастные случаи на работе (40 чел.), то же при побеге – 18 чел. Всего 12 чел. было расстреляно, и 1 покончил с собой.

О том, какой ад на самом деле стоит за «лидерством» по смертности лагеря в Будешти, рассказал один из его узников – Дм. Левинский. Плененный в июле 1941 г. под Березовкой немцами, он был доставлен в сборный пункт под Кишиневом, оттуда, в августе, в Яссы, а в октябре – в пересыльный лагерь в Будешти (сначала в карантин, а потом в основной лагерь), причем во всех трех случаях лагеря охранялись немцами⁸⁶.

«Сущность понятия „пересыльный“ лагерь мы быстро поняли: здесь нас никто не избивал и, тем более, специально не убивал, но невероятные условия, которые ожидали нас, вызвали зимой 1941–1942 г. большую смертность среди военнопленных, что позволило приравнять этот лагерь к „лагерям уничтожения врагов третьего рейха“. С такими местами многим из нас тоже предстояло познакомиться. А в этом лагере все было предельно просто: тебя не убьют – ты умрешь сам. Если выживешь – твое счастье, а если нет – таков твой рок. Изменить эти условия мы не могли.

Первое время, около месяца, нас держали в „карантине“: в огромном высоком бараке без окон и дверей. Похоже, что это помещение использовалось ранее для хранения сена или

соломы. Снаружи барак опоясывала колючая проволока. Нами никто не „управлял“, мы были никому не нужны и могли всласть валяться на земле и балагурить. Но вскоре жизнь в бараке сделалась пыткой.

Наступил ноябрь, а с ним пришли холода. Эта зима обещала быть морозной даже на самом юге Румынии. Барак насквозь продувался – ворот не было. Внутри барака сперва образовались ледяные сосульки, а затем и настоящие айсберги. Холод стал вторым врагом после голода. Согреться можно было только прыганьем, но на это не хватало сил – мы постепенно превращались в дистрофиков. Рацион ухудшался и уменьшался с каждым днем. У многих появились желудочно-кишечные заболевания. Другим грозил конец от воспаления легких. Развились фурункулез, сыпь, различные флегмоны, кровавый понос, чахотка – все не перечислить. С наступлением морозов начались обморожения конечностей. Как ни странно, но косившую всех смерть большинство встретило спокойно, как должное: не надо было попадать сюда!

В середине ноября, когда нас становилось все меньше и меньше, и жить из-за наступивших морозов стало совсем невозможно, нас перевели в основной лагерь, посчитав, что карантин свое дело сделал...

Барак в основном лагере были деревянными, одноэтажными, небольшими. В них обычно размещалось не более 200 человек, но с каждым днем живых становилось все меньше. На дощатом полу лежали стружки и опилки, на которых мы спали. На день полагалось эти стружки сгрести в угол, чтобы не ходить ногами «по кровати».

Узнали еще одного врага – тифозную вошь. Это было ужасно: за короткое время противные твари расплодились в таком количестве, что куча стружек в углу барака шевелилась. Создавалось впечатление, что в куче больше вшей, чем стружек. За ночь мы по многу раз вставали, выходили из барака на улицу, сдергивали с себя одежду и с остервенением вытряхивали кровососущих тварей на снег, но их было столько, что сразу избавиться от них мы, естественно, не могли. Поэтому приступали ко второму этапу очищения: мы долго и настойчиво давили теперь тех, что попрятались в швах белья и одежды. Так продолжалось каждую ночь, но такую роскошь могли себе позволить не все, а только те, у кого еще оставались силы, и не наступило полное безразличие ко всему с одним лишь ожиданием смерти-избавительницы. У тех, кто надеялся обеспечить себе спокойную ночь, на «вошебойку» полностью уходило дневное время.

Температура воздуха в бараках – уличная. Мы погибали от холода, а насекомые были настолько живучи, что казалось – они совсем не боятся мороза.

Это мы согревали их своим телом, отдавая последнее тепло.

К нам вплотную подобрался сыпной тиф. Уже метались люди в горячке, а мы не понимали, что это за болезнь. Думали – простуда или воспаление легких, или что-нибудь еще. По молодости лет мы не сталкивались с сыпным тифом...

Спали мы на полу, на стружках, вповалку рядами, тесно прижавшись друг к другу для тепла. Утром проснешься, а сосед уже „стучит“ – за ночь умер и к утру окостенел. Каждую ночь смерть забирала чьи-нибудь жизни. Утром мы выносили тела умерших и складывали их в водосточной канаве, идущей вдоль барака. Там трупы копились в течение недели, высота таких „могил“ достигала окон барака.

Трупы обычно раздевали – одежда нужна живым... Раз в неделю накопившиеся вдоль бараков тела мы должны были относить метров за 100 в сторону и укладывать рядами друг на друга в специально вырытые траншеи. Каждый ряд посыпался хлорной известью, а затем клали следующий ряд, и так продолжалось всю зиму...

А, в общем, мы настолько привыкли к лежащим вокруг бараков обнаженным телам соотечественников, что перетаскивание трупов казалось рядовой работой, и конец всем ясен. К чему эмоции?» (Левинский 2005:158–159).

Уже одна эта цитата заставляет серьезно усомниться в полной достоверности декларированной и сравнительно благополучной 6-процентной смертности среди советских военноплен-

ных в Румынии. «Подозрения» перерастают в уверенность после знакомства с некоторыми документами Красной Армии, освобождавшей Румынию.

Так, в «Акте о злодеяниях немецко-румынских фашистских захватчиков в лагере советских военнопленных (лагерь Фельдиора, уезда Брашовского, Румыния)» говорится о 1800 замученных и погибших военнопленных (ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2772. Д. 30. Л. 281–286), что в 2,5 раза превышает официальную румынскую цифру (738 чел. – см. выше). Согласно этому документу, датированному 7-13 сентября 1944 г., комендантом лагеря был румын Иона Ницеску, а начальником карательной секции – немец, лейтенант Порграц. Охрану лагеря несла рота румынских жандармов в 120 чел., вооруженная винтовками и дубинками (на вышках по периметру лагеря, обнесенного колючей проволокой, стояли пулеметы). Умершие, замученные и убитые военнопленные сбрасывались в яму у шоссе на дороге Владени-Фадераш вблизи строительства тоннеля.

«За малейшее нарушение, – читаем в этом „Акте“, – военнопленных наказывали „карцером“ на 2–3 суток (карцер состоял из ящика наподобие шкафа площадью на одного человека с окошками), человек от изнурения был как животное, каждый проходящий жандарм бил его палкой.

Бежавшие из лагеря задерживались, подвергались избиению, в одном случае одноразово по 40 дубинок по голому телу, в другом случае – по 15 дубинок в каждой секции (бараке. – П.П.), после чего заключались в сырой подвал на 20 суток, а впоследствии предавались суду и осуждались на каторжные работы или к расстрелу. Так, были избиты и преданы суду военнопленные Шейко, Губарев и другие...»

Советские военнопленные в Румынии активно привлекались к принудительному труду. В том же румынском источнике говорится о примерно 21 тыс. горных рабочих из их числа (ср. ниже со сведениями о гражданских рабочих). По состоянию на начало января 1943 г., работали 34145 советских военнопленных, на начало сентября 1943 г. – 15 098, а по состоянию на август 1944 г., когда в Румынию, по всей видимости, стали вывозить шталаги из Украины, – 41 791 чел., причем 28 092 из них работали в сельском хозяйстве, 6237 в промышленности, 2995 в лесоводстве, 1928 в строительстве и 290 на железных дорогах.

Об условиях их трудового использования повествует вышеупомянутый «Акт»: «Советские военнопленные, раздетые, голодные, истощенные и больные работали по 12–14 часов в сутки. Отстающие в работе подвергались избиению дубинками (палками). Советские люди работали на холоде без обуви и одежды, приспособляли себе обувь из соломы, для утепления тела под рубаху набирали солому. Жандарм, заметивший это, соломенную обувь отбирал, солому из рубахи вытряхивал, а военнопленного избивал дубинками... За невыход на работу больные военнопленные заключались в подвал на 10–20 суток без права выхода на воздух и выдачей 150 грамм хлеба и воды на сутки».

Особенным издевательствам подвергались евреи: они содержались отдельно, и над ними, как сказано в документе, «не было предела издевательствам». Одного военнопленного – по фамилии Голва (или Голка) – администрация лагеря признала за еврея и утопила в уборной.

Таким образом, геноцидальные приказы Кейтеля и Гейдриха, направленные на выявление в массе военнопленных и немедленное уничтожение выявленных при этом евреев, действовали и в зоне ответственности румынской армии, причем чуть ли не до самого конца ведения ею боевых действий.

И тем не менее, в отличие от Германии, Румыния отказывала советским военнопленным не во всех правах, вытекающих из международного статуса военнопленных. Лагерь для советских военнопленных пусть редко, но посещались представителями МКК⁸⁷. Так, 1 июля 1942 г. лагеря № 4 Васлуй и № 5 Индепенденца посетил нунций монсеньор А. Касуло, посол Ватикана в Бухаресте и, по совместительству, представитель МКК, а 14 мая 1943 г. делегация МКК из Женевы (Ed. Chaupissant, D. Rauss) посетила лагерь Бухарест, Майю, Калафат и Тимишо-

ара. Не запрещалась им и почтовая переписка – правда, весьма ограниченная: представителям МКК было передано более 2000 открыток (правда, из них всего 200 открыток пришлось на период до 1 июля 1942 г.). Начиная с 1943 г. стали выходить и специальные газеты для военнопленных: одна на русском и одна на армянском языке.

По состоянию на 23 августа 1944 г., в румынских лагерях оставалось 59 856 советских военнопленных, из них 57 062 солдата. Их национальный состав, согласно тому же источнику, выглядел следующим образом:

Таблица 1
Национальный состав советских военнопленных в Румынии

НАЦИОНАЛЬНОСТИ	Чел.	%
Украинцы	25 533	45,7
Русские	17 833	31,9
Калмыки	2497	4,5
Узбеки	2039	3,6
Туркмены	1917	3,4
Грузины	1600	2,9
Казахи	1588	2,8
Армяне	1501	2,7
Татары	601	1,1
Евреи	293	0,5
Болгары	186	0,3
Осетины	150	0,2
Айсоры	117	0,2
Прочие	1	0,0
ИТОГО	55 856	100,0

“æ ŁOE: Dutu, Ebbre, loghin 1999.

Обращает на себя наличие в таблице военнопленных лиц еврейской национальности. Трудно сказать, основываются приводимые данные на материалах регистрации военнопленных или на их заявлениях после освобождения (скорее второе, чем первое).

Однако бросается в глаза, что вышеприведенная цифра количества советских военнопленных в Румынии накануне ее капитуляции (55 856 чел.) почти вдвое превышает число советских военнопленных, репатриированных из Румынии в СССР, – 28 799 чел. (по состоянию на 1 марта 1946 г.) (Полян 2002:489, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175).

В чем тут дело? Объяснение за счет невозвращенцев тут явно не работает, поскольку речь идет о территории, контролировавшейся СССР. По этой же причине отпадает и объяснение саморепатриацией, хотя некоторые военнопленные из числа жителей близлежащих молдавских районов и украинских областей, возможно, и предприняли такие попытки, благо специальной репатриационной службы и лагерной инфраструктуры на этот момент времени еще не существовало (она возникла только в октябре 1944 г.). Скорее всего, часть пленных красноармейцев заново призвали в Красную Армию, а часть воспользовалась тем, что в их лагерях румыны содержали также и гражданских лиц и объявили себя на советской регистрации не военнопленными, а гражданскими лицами.

Кроме того, как выясняется, и сама румынская администрация практиковала официальный перевод советских военнопленных из статуса военнопленных в гражданский, чего, после ноября 1941 г., почти не делали немцы. Так, 1 марта 1944 г. из плена было отпущено 9495 чел., в том числе 6070 румын из Сев. Буковины и Бессарабии и 1979 румын из Транснистрии, 205 немцев, 693 чел. с территории восточнее Буга, 577 несовершеннолетних (моложе 18 лет) и 963 инвалида (Dutu, Dobre, Lokhin 1999).

Как в военном, так и в военно-гражданском отношениях *Финляндия*, в отличие от Румынии, действовала на оккупированной ею территории совершенно самостоятельно и практически независимо от своих немецких союзников.

В 1940 г. Карелия, как изначально финская государственная территория была оккупирована советскими войсками в результате так называемой «зимней войны», а в начале Великой Отечественной войны была вновь завоевана финскими войсками и в дальнейшем ходе войны длительное время оставалась оккупированной Финляндией. Значительная часть Ингерманландии в июне 1941 г. была оккупирована и немецкими войсками.

На территории Восточной Карелии, оккупированной финнами и немцами, было создано в общей сложности 27 различных лагерей для советских граждан, из них 17 для военнопленных, 3 – для военнопленных и для мирного населения и еще 7 – для мирного населения. Крупнейшие из них находились в Петрозаводске, Ильинском, Олонце, Сала (шталаг № 309) и др. местах. В них содержались главным образом русские по национальности (как трудоспособные, так и старики и дети), но также и «политически ненадежные» финны. Часть из них была дислоцирована финнами внутри своей оккупационной зоны. Общее число узников этих лагерей – порядка 25 тыс. чел. Подавляющее большинство этих лагерей находились в зоне, контролируемой финнами: их сооружение и установление в них соответствующего варварского режима осуществилось по инициативе исключительно финского командования, без каких бы то ни было указаний, распоряжений или нажима с немецкой стороны⁸⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.